

Екатерина Романова

20 ЖЕНИХОВ
И
ОДНА СВАДЪБА

Екатерина Романова

Двести женихов и одна свадьба

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Плотник, скрипач, архитектор, алхимик, бездомный даже. У меня богатый список женихов, но до дела так и не дошло. Всякий раз ноги мчат меня из церкви, а заветный портал на Землю так и не открывается! Но двухсотый раз – алмаз! Я даже нашла замечательного стрессоустойчивого жениха.

И надо же было сэру Кристиану Ортингтону так не вовремя вернуться в столицу и разрушить мои планы...

Содержание

Книга 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Екатерина Романова

Двести женихов и одна свадьба

Двести женихов и одна свадьба

© Екатерина Романова, 2020

© Оформление. Екатерина Романова, 2020

Файл для сайта ЛитРес

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена административная и уголовная ответственность.

Подобные действия на территориях стран подписавших международные конвенции по авторскому праву влекут административную и уголовную ответственность в соответствии с действующим законодательством этих стран.

© Двести женихов и одна свадьба, текст, обложка, оформление

Автор – Екатерина Романова

19 мая 2020 г.

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена административная и уголовная ответственность.

Подобные действия на территориях стран подписавших международные конвенции по авторскому праву влекут административную и уголовную ответственность в соответствии с действующим законодательством этих стран.

Книга 1

– Согласны ли вы, леди Джулия...

– Да! Да! Согласна! – выпалила, подгоняя распорядителя.

Он вскинул брови и перевел взгляд на моего жениха. Тот тоже не поверил. Мое «да» звучало, мягко говоря, неожиданно.

– Я тоже согласен! – опомнился сэр Керлинг. – Целую невесту!

Вуаль слетела с моих волос, а губы обожгло торопливым поцелуем.

Распорядитель выдохнул и, захлопнув тяжелый томик божественных слов, с облегчением возвестил:

– Объявляю вас мужем и женой! Свершилось-таки! – добавил едва слышно.

Горячий поцелуй стал мертвенно холодным, слизким, неприятным.

Что-то не так...

Едкий звук разорвал пространство, становился громче, пока до меня не дошло, в чем дело.

– Ты! – села в кровати, скидывая Мору.

Отвратительное крылатое существо, похожее на ворону с двумя головами, четырьмя лапами и человеческим ртом вместо клюва ехидно косилось тремя глазами. Мора – божество неудач, а я – ее любимое лакомство.

– На самом сладеньком прервала! – недовольно пробубнило божество.

– Я бы твою жизнь прервала, да все не придумаю как! – злобно ударила по будильнику и потрянула головой. Кудряшки рассыпались по плечам шоколадным водопадом.

Очередной день, полный несбывшихся надежд. Даже поговорка есть: Мора с утра – целый день без добра.

– Жду не дождусь твоего юбилея! – божество важно расхаживало по подоконнику, подметая его хвостом. – Вот уж я наемся до отвала! Знаешь, одна ты заменяешь два десятка неудачников!

– Сомнительный какой-то комплемент. И ты немного опоздала! Мне исполнилось тридцать в прошлом году.

Я стянула ночную сорочку и бросила на кровать. Таисия, моя горничная, приготовила свежее платье. У нее безукоризненный вкус и золотые руки: изумрудный атлас без единой складки.

– Я о другом юбилее, – проворковало божество.

Расправила длинную юбку, отогнула воротничок. О, тот самый юбилей, о котором гудит столица! После вчерашней свадьбы, с которой я благополучно сбежала, бросив жениха сто девяносто девять, ставки на юбилейную навверняка взлетят до небес.

– Пресса, свежая пресса! – под окном зазвенел голос Сэдрика. Мальчишка с десяти лет торгует газетами, и каждое утро будит округу громкими воплями.

Согнала Мору с подоконника и выглянула в распахнутое окно:

– Сэд! Может, не надо, а?

– Джулия Ортингтон сбежала из-под венца! Снова! – нагло проорал мальчишка, размахивая газетой. – Ставим на двухсотую свадьбу! Прозвучит ли долгожданное «да», или снова блеснут серебристые каблучки невесты?

Еще и статью декламирует! Ах ты, паршивец!

– Никакой бесплатной выпечки неделю!

– Джулия Ортингтон!!! – еще пуще закричал Сэдрик.

– Ладно! Ладно! Бесплатные пирожки с малиной – месяц, только перестань орать!

– И с яблоками! – прищурился он.

– Ты бы не наглел?!

– Ладно. Уже бегу, – Сэд, весело подпрыгивая, побежал в кофейню.

Ничто так не бодрит с утра, как аромат весенних цветов и дружеская перепалка! Свежий ветерок прошелся по моим кудрям, подколотым на затылке изумрудным гребешком. Легкий макияж, нотка цветочного парфюма, сережки-капельки и образ завершен.

Напевая под нос, спустилась по широкой лестнице в столовую. С портретов скушаяще взирали родственники, по легенде мои, на деле – виконта Ортингтона. Имен не запомнила, но портреты на всякий случай приберегла. Помнится, в войну шпионы прокалывались на ржавых скрепках в доку-

ментах, а мне прокалываться нельзя! Шпионов хоть пытали и в тюрьму сажали, а меня сожгут без вопросов.

Аромат свежей выпечки защекотал ноздри, и я ускорила шаг. Заслышав стук каблучков, дворецкий распахнул узорчатые двери и поклонился:

– Доброе утро, леди Ортингтон.

– Самюэль, я же просила – леди Джулия!

Высокий поджарый дворецкий прошел войну и годился мне в отцы, но неизменно склонял голову перед моим титулом. Миниатюрная девушка с большими глазами заставляла робеть седовласого мускулистого великана. Традиции Тэйлы, что б их! Что нас свело? Одна сложная, но успешная операция...

На круглом столике возле панорамного окна ждал завтрак: горячий кофе, дымящийся круассан с сыром и розетка с вареньем. А рядом – единственная столичная газета. Это на Земле обилие прессы на любой вкус: политика, экономика, кулинария, эзотерика. А здесь только новости, политика и происшествия, только хардкор!

В графстве Ортингтон, одна типография, ибо дело дорогое и невыгодное. Субсидируется государством, хотя может нести золотые яйца и кормить бутербродами с красной икрой поверх черной. Сколько раз твердила жениху восемьдесят один, владельцу типографии, что правильная маркетинговая политика озолотит! Но ортингтонцы с трудом воспринимают перемены. Они традиционны и это, порой, доходит

до мааразма! Хуже англичан! А он, мало того, что ортингтон-ец, так еще и мужчина... Но русские ко всему привыкают. Вот и я привыкла. За пять-то лет.

– Леди Джулия! – в столовую ворвался Сэдрик.

Самюэль неодобрительно покосился в мою сторону, но я погрозила пальцем. Вот уж кто не опасен, так это Сэд! Бросив на пол кипу газет, он стянул грязную кепку.

– Самюэль, подумываю вовсе избавиться от дверей, как считаешь? – улыбнулась вошедшей Кэролайн и, наконец, пригубила кофе.

Полноватая добродушная женщина, кондитер и по совместительству наследница моего, то есть, виконта Ортингтона, состояния, потрепала Сэда по пшеничным волосам.

Мы договорились – как вернусь на Землю, бизнес и дом достанутся Кэри. Мы – это я и делораспорядитель, конечно же. Кэролайн возмутится и откажется, да только кто ее спросит. Раз у меня, хирурга с Земли, вышло стать знатной леди и возглавить кондитерские «Сладости от Джулии», то у нее, прирожденной ортингтонки с пробивным характером и доброй душой, тем более получится!

– Сэдрик! Снова ты в грязной обуви! – заметила она, выставляя на столик чашку для парнишки и его любимую булочку с малиной.

– Простите, госпожа Фабри.

– Просто тетушка Фабри, пора запомнить! Снимай обувь и садись.

– Кэролайн, попроси Тома сбегать к башмачнику. Прямо сейчас! – приказала, увидев мозолистые ноги Сэда.

– Вы меня балуете, леди, – он виновато вытер ступни о коврик и подошел к столу. Напоровшись на мой грозный взгляд – убежал мыть руки.

– А штаны его видели? – вздохнула Кэролайн, вытирая руки о передник. Она, как добрая мама, обо всех заботится, порой забывая о себе. – Там заплаты ставить негде! Ими даже пол не помыть уже – труха!

– Пусть запишут на мой счет. Мэри так и не нашла работу? – отломил кусочек круассана и макнула в горячий сыр.

– Вы же знаете, граф не жалует жен мятежников. А в чем их вина? В том, что полюбили не того мужчину? – возмутилась Кэролайн, обнимая серебряный поднос.

Ей тяжело пройти мимо чужой беды. Вот и мне помогла, как только я попала на Тэйлу. Я очнулась посреди морковной гряды в свадебном платье и босиком. Кэролайн приютила, накормила и, рискуя всем, отвела к сэру Трувэйну Ортингтону – брату правящего герцога. Мы сразу во всем сознались – попаданок на Тэйле боятся хуже хламидиоза. Их жгут на кострах впрок. Мы ждали вердикт с опаской, а дождались острого приступа аппендицита. Сэр Трувэйн совсем за собой не следил, а тут, на его удачу, практикующий хирург!

Когда старик опомнился, сменил гнев на милость. Меня представили осиротевшей троюродной племянницей, подделали документы, что с положением виконта не трудно. Увы,

но через полгода мой троюродный дядюшка скончался во сне, оставив состояние и земли мне. Я наняла управляющего и уехала в столицу, где занялась делом своей настоящей бабули – выпечкой. По-хорошему, я бы открыла больницу, но резать людей в Китридже запрещено. Да-да, как и попаданство – карается костром. А мое тело не очень-то принимает температуру больше сорока градусов... Потому булочки! Только никаких апельсинов, ведь на них у графа аллергия. Если кто ослушается, то карается... Ну, вы уже поняли.

Я прожевала круассан и глотнула кофе. У меня к графу много вопросов. А претензий – еще больше! Даже мелькала шальная мысль окольцевать его. Шикарная кандидатура для юбилейного замужества, но старик и без того на ладан дышит, а я не уверена, что в этот раз все получится.

– Кажется, в одной из кофеен кто-то собирается рожать на днях! – протянула с плутоватой улыбкой.

Кэролайн изменилась в лице и медленно опустилась на затянутый молочным атласом стул.

– Леди, вы что, пойдете против графского приказа?

– Знаешь, некоторые приказы прямо-таки напрашиваются, чтобы их нарушили! Одно дело наказать мятежника, а другое – обречь на голодную смерть невинную женщину с ребенком! Пригласите Мэри. Пусть приступает, как только освободится вакансия.

– Ох, навлечете вы беду на наши головы, леди. Но воля ваша.

Пожала плечами и расправила газету.

Конечно! Кто бы сомневался! Главная новость – я. На всю страницу магическая фотография убегающей невесты, а на заднем плане – бедный сэр Керлинг, жених сто девяносто девять. Впрочем, теперь уже не такой бедный. Он согласился на авантюру ради денег. Сделал ставку, что свадьба не состоится и стал счастливей, как минимум, на сто тысяч ортингтонских золотых. А это довольно приличная сумма. Примерно десять тысяч долларов.

Я настолько занимала умы столичного населения, что даже новость о возвращении старшего сына графа Ортингтона ютится внизу страницы, между некрологом леди Арфины и объявлением о продаже породистых свиней.

– Сэр Кристиан Ортингтон возвращается в столицу. Десять лет он искал убийцу жены и дочери, и, наконец, поиски завершены, – прочитала и поежилась. – Незавидная судьба у графского сына.

– Это у убийцы незавидная, – усмехнулась Кэролайн, уступая место Сэдрику.

– И сам сын тоже незавидный, – поделился парень, усаживаясь за стол и демонстрируя вымытые руки.

– Надо же! А ты миленький без всей этой грязи, – глянула на парня через газету и подмигнула. – Так чем же графский сын такой незавидный? Ты ешь, ешь, пока не остыло.

Перелистнула газету, по привычке обращаясь к пятой странице – расписание балов и приемов. Именно там обита-

ют неженатые мужчины. А мне как раз нужен один такой.

– Пвокфятыйник, – промямлил Сэд, уминая булочку.

Резко опустила газету и уточнила:

– Ты сказал – проклятыйник?!

– Угу, а фто такофе?

– Кэролайн! Срочно принеси писчие принадлежности! Ты уверен, что он проклятыйник?

– Футите? – парнишка жевал, вытирая рот рукавом. Я громко кашлянула – исправился и потянулся за салфеткой. – Это всем известно. Лучший проклятыйник графства! Да что там графства?! Всего Китриджа! А еще, – Сэд склонился и перешел на шепот. – Не женат! Надежная информация!

Звякнула чашкой о блюде и с осуждением глянула на парня, но булочка оказалась куда занимательней меня.

– Что происходит, леди?

Кэролайн открыла крышку секретера и приготовила чернильницу.

– Графский сын – проклятыйник! Ты знала?

– Знала. Все знают.

– И мне не сказала?

Поспешила к секретеру. Перо заскользило по бумаге, выводя витиеватые буквы чужого языка. Как же я скучаю по русскому! Порой рука так и хочет начертить знакомую подпись «Маша Воробушкина», но приходится писать «леди Джулия Ортингтон» под просьбой устроить встречу с сэром Кристианом.

«Без матримониальных целей!», – добавила в конце. А то ведь откажется помочь. Закари, распорядитель графских дел, в меня влюблен. Так влюблен, что уже дважды пытал счастье, но оно пыток не выдержало и пало смертью храбрых.

– Так ведь никто не знает, где виконт. Лет десять назад такая трагедия случилась. Он пропал и с тех пор – ни слуху, ни духу. Толку-то от проклятийника, которого нет.

– А теперь и слух, и дух, и он сам пожаловали! – я с волнением подула на сургуч, и записка перекочевала к Кэролайн. – Пусть срочно передадут Закари Торделу! Лично в руки! Я должна встретиться с этим Кристианом.

– Ох, леди. Не знаю, каким он стал теперь, но вряд ли сильно изменился! Сомневаюсь, что сэр Ортингтон тот, кто вам нужен. А, если узнает о вас... все, – добавила она шепотом, – мешкать не станет.

Пресловутый костер на мою голову!

– Варианты? За пять лет я спустила целое состояние на шарлатанов, которые твердят одно и то же! Снять венец безбрачия способен брак. Но как? Как, если ноги сами несут меня прочь от алтаря? Замкнутый круг какой-то!

– Может, вас привязать? – оgoroшил Сэдрик.

Мы с Кэролайн глянули на парнишку и тот чуть не подавился.

– Нет, ну, а чего? – оправдался он, почесав загривок. Копна пшеничных волос торчала в разные стороны, создавая чудачковатый образ. Впрочем, Сэд и впрямь несколько чудачко-

ват. – Или связать. Далеко ли убежишь со связанными ногами?

– Вы только не сердитесь, леди, – осторожно начала Кэролайн, – но... парнишка-то дело говорит.

Самюэль, охранявший покой своей леди подобно оловянному солдатику, неодобрительно кашлянул.

– Серьезно? Думаешь, всевышние одобряют такой брак? Как там говорится, «свободной волей, чистым разумом, с открытым сердцем желание изъявляю?» А то, что ноги связаны и кляп во рту, так это причуда такая?

Кэролайн смущенно отвела взгляд, а заметив дворецкого – еще и покраснела. О, это любовь похлеще «Гордости и предубеждения». Кто горд, а кто предубежден – еще разобраться надо, но эти двое должны, наконец, найти друг друга! Дом уже похож на поле боя.

– Отнеси и поскорей. У меня большие надежды на сэра Кристиана.

– Простите, леди, но некоторые надежды следует душить в зародыше.

И не поймешь, кому дворецкий сказал: мне или Кэролайн.

– И луковый пирог отнесу! – женщина нервно сунула записку в кармашек фартука, обращаясь к мужчине.

О! Пошла тяжелая артиллерия. Ноздри Самюэля дрогнули, а в остальном вида не подал, что цель поражена.

– Со сметаной и топленым маслом!

Дворецкий сглотнул, но выдержал.

– Нет, пожалуй, лучше горячий сыр...

– Жестокая женщина! – что неподвластно шпаге – дрогнет под натиском женского языка. – Я буду за дверью, если леди позволит.

– Позволяю, чего уж там, – ухмыльнулась, неодобрительно качая головой. – А ведь он прав! Это было жестоко.

– И поделом!

– Но пирог все же отнеси. Я сентиментальна.

До обеда не находила себе места. Ни на диване, ни за роулем, который умучила до хрипов, ни за мольбертом, стойко сносящим бездарную мазню, ни на кухне, откуда меня вежливо спровадили после опрокинутой кадушки с мукой.

В итоге, я переместилась за кассу – там время быстро летит. Кэролайн твердит, что негоже хозяйке обслуживать посетителей, а я не могу без дела. Все эти вышивки, променады с зонтиками и пикники у воды – отличное развлечение на раз, но не на каждый же день! Разве что книги увлекают порой на многие часы, но читаю я быстрее, чем пишутся новые. Это не двадцать первый век, когда любое собрание букв выкладывается в интернет под красивой картинкой с известными актерами на забаву публике. Тут все серьезно. Да и типография, опять-таки, одна-единственная...

– Представляете, она снова бросила бедного мальчика!

– Да-да, снова бросила, – обворожительно улыбнулась посетительницам. Те не сразу распознали в кассирше главную

новость дня.

– Ой...

– Да чего уж там, не стесняйтесь в выражениях! Чего налить? Бычьей желчи или змеиного яду?

Женщины потупили взгляд и робко попросили бычьей желчи с пряником «Даешь двести». Уже месяц самый популярный продукт заведения. Я не лишена самоиронии и не вижу ничего зазорного в том, что люди надо мной потешаются, а я на этом зарабатываю. Да божечки, я бы сама высмеивала женщину, с завидным упорством удирающую от алтаря на потеху публике! А публика потешается, да еще как! Уж как они узнают о месте бракосочетания – загадка! Как я только не шифровалась! Даже антипоисковые артефакты покупала – без толку. Мой триумфальный забег от супружества неизменно попадает на страницы газет. И ведь я думала, что раз на сотый всем приестся, но нет! Ненасытная публика смакует подробности почти каждую неделю.

А напиток «Бычья желчь» и «Змеиный яд» – на деле кофе с ликером и кофе с виски – по старинной родовой рецептуре – я подаю только после неудачного замужества. К слову, брачные побеги – отличный маркетинговый ход. Продажи в ближайшие несколько дней бьют все рекорды.

После обеда Кэролайн вернулась с вестями от Закари. Через час сэр Ортингтон ждет... леди Игиду.

– Сэр Кристиан – мужчина со странностями, – пояснила Кэролайн, повязывая фартук. Ее руки ловко заворачивали

заказы, пока рот умудрялся говорить. — Он и до гибели своей семьи был нелюдимым, а теперь, стоит полагать, и вовсе не от мира сего. Он бы точно не согласился на встречу с Джулией Ортингтон — репутация у вас, мягко говоря, неоднозначная.

— Нормальная репутация, — я задумалась, разглядывая публику. Шушукался, конечно, народ, но тухлыми помидорами никто не кидал. Я же леди, как-никак.

— Но с почтенной леди Игидой, из уважения, встретится обязательно, — уклончиво ответила подруга.

— Встретится обязательно! Почтенная женщина, замечательная! — согласилась посетительница, протягивая деньги.

— Мне стоит знать, кто такая леди Игида? — уточнила, ссылая монеты в кассу.

— Лучше подумать о том, как заинтересовать будущего графа. Во дворце поговаривают, нынешний совсем плох, — вздохнула Кэролайн, выкладывая на прилавок свежую выпечку.

— Все там будем, — пожала плечами, протягивая клиентке тыквенный хлеб. — Это я не вам, бабушка. Живите долго!

Старушка, явно глухая, да еще и слеповатая, улыбнулась беззубым ртом и пошла прочь.

Сегодня в кофейне многолюдно и шумно. Ни одного пустого столика, а к тем, что у панорамных окон с видом на залив, и вовсе очередь! Люди ждали с подносами и морально давили на отдыхающих. Дай им волю, давили бы не только

морально, но на этот случай есть улыбочивый полуогр Эрик. Я нашла его умирающим на обочине. Спасла, подлатала. Хотела вернуть домой, но оказалось, по приказу графа его деревню выжгли дотла, якобы огры покрывали мятежников. Не покрывали. От этого в разы обидней. Эрик потерял брата и сестру, чуть не погиб сам. А теперь считает сестрой меня, стережет покой отдыхающих и вовремя дает на щи особо отличившимся.

– Пусть Кирстен встанет за кассу, мне нужно готовиться к встрече...

Помахала на прощанье толпе и взбежала на второй этаж. Я привыкла к жизни на Тэйле. Здесь у меня положение в обществе, друзья, достаток, поместье и бизнес. Даже крестьяне есть! Но вместе с этим – непреодолимая тоска по дому. Горячо не хватает любимой операционной. Удовольствие от успешной операции, спасенной детской жизни несравнимо ни с чем. Скучаю по родителям и Буське – моей непослушной кошке. И пусть она с завидным упорством ссыт в тапки, но я верю, что от чистого сердца! И современных технологий не хватает тоже! Сотового, компьютера с выходом в интернет, машины, в конце концов. А еще дома меня не сожгут на костре, а хирургия не запрещена как грязное течение некромантии с глумлением над будущим трупом. В какой-то мере законы Тэйлы варварские. А в сочетании с упертым консерватизмом ортингтонцев становятся чем-то вообще нестигаемым! Это как лечить пневмонию банками,

и удивляться, что не помогает.

Смышленная Таисия подала самое скромное парадное платье. Винного цвета, с умеренным декольте, тугим корсетом, традиционной пышной юбкой, припущенной перламутровым кружевом. Из украшений – речной жемчуг. Волосы тщательно зачесали и подкололи, чтобы у сэра Кристиана не возникло и подозрения, что я желаю его соблазнить. Некоторые мужчины странно реагируют на мое внимание.

Хотя, там и соблазнять нечего. Кэролайн нарисовала образ довольно унылого экземпляра человеческого самца. Если он хотя бы вполовину похож на отца, то зрелище удручающее. Но все не так плохо, если пошел в мать.

В графстве принято ездить на кэбах или каретах. Запрягают лошадей или ворнов. Но последние своенравны, хоть и преданы хозяину до смерти. Их предпочитают маги и высокопоставленные чиновники, ибо дорого и пафосно. С виду – обычные кони, только крупнее, выносливей и злее. На деле – результат селекции коня и дракона. Не спрашивайте – омерзительно! И крылья есть, да. У самых дорогих и редких особей. Воочию я ворнов не видела, но слышана.

В основном эксплуатируют лошадей. Одна – для бедного семейства, две – для семьи среднего достатка, четыре – для богачей. Все, что выше и украшено перьями в стиле молодого Филиппа Киркорова – признак запредельной роскоши.

Я прикупила кэб с одной лошадкой и делю его с прислугой. Хотела выписать паровую телегу из графства Айрон, но

она кадит по-страшному и выглядит как монстр из постапокалиптического будущего. К такому местное общество пока не готово. Да и я тоже. Это мало похоже на Ладу или даже Запорожец.

В этот раз пошла пешком. Прогуляюсь, с мыслями соберусь, полюбуюсь пальцами тыкающих в меня дам. Отчасти это даже вдохновляет. Я, леди Джулия Ортингтон, миллионер, филантроп, изобретатель и местная знаменитость, едва ли не Железный человек в юбке! А еще – кость в горле графа Ортингтона, но убивать родственников не пристало, поэтому мне сходят с рук мелкие шалости.

Прошлась по любимой яблочной аллее – поздней весной она очаровательна. Дорожка свернула на центральный бульвар, от которого до графской резиденции рукой подать. Граф живет на широкую ногу и усом не ведет. Пятиэтажный дворец из белоснежного мрамора, щедро украшенный фресками, колоннами, балкончиками, балюстрадами, золочеными карнизами и прочими излишествами, издавна кричал, что самый важный человек столицы тут. Сам его сиятельство занимает четвертый и пятый этажи, первые три – для чиновников, переговорных, конференций и приемов. Кстати, на первом – шикарный бальный зал. Уж я-то знаю! Сколько приемов снабдила выпечкой – не перечесать. Сколько потенциальных мужей там отыскала – тоже не сосчитать. Хотя, почему же не сосчитать? Я веду строгий учет, у меня даже пофамильный список имеется...

Документы на проходной не спросили. Ну, право! Мы с Морисом почти семь дней встречались до попытки пожениться. Жених номер двенадцать, не помню имени, приветливо помахал садовыми ножницами. Первое время я хваталась за любого встречного, лихорадочно волокла под венец кого ни попадя. Деньги, азарт, титул, любовь с первого взгляда – каких только не было причин! По две-три свадьбы в неделю играли! Так вот садовник влюбился по уши и мой побег из-под венца принял близко к сердцу.

Щелчок ножницами, и пышная роза обезглавлена!

Я сглотнула и свернула на другую тропинку, пока графский сад не осиротел. Сиреневые кусты охотно скрыли меня от странноватого бывшего, открывая дивный вид на балюстраду с мраморными перилами. Чем ближе к резиденции – тем больше бывших. Да еще и Мора нехоти подвернулась!

– Привет, вкусняшечка!

– Лети отсюда, – шикнула, стараясь не привлекать внимания. Жемчужная вуалька заслоняла верхнюю часть лица, но меня и по тени узнают!

А Мора, засранка такая, сама выбирает, кто ее видит, а кто нет. И, раз уж появилась, обязательно быть неудаче! Можно сказать, это пресловутая черная кошка, только примета работает безотказно и...

– Чтоб у тебя кардиограмма выпрямилась!

Скакнула за колонну и притаилась. Что я там говорила? Именно! Работает безотказно, а, главное, моментально!

– Что такое кардиограмма? – полюбопытствовало божество, громко хлопая крыльями.

– Узнаешь, когда выпрямится! – выругалась, осторожно выглядывая из укрытия.

Жених двадцать три – головная боль нашего квартала! Скрипач от бога и певец от шайтана! Серенады под окном в первом часу ночи от Жоржа Стравелли не выдержит даже глухой. В первый раз все поняли и простили, во второй настоятельно попросили не безобразничать, на третий – закидали яйцами и башмаками, на четвертый – вызвали комиссаров, но Жорж упрямым бумерангом возвращался вновь и вновь... Пока не познакомился с Эриком. Крепкий кулак, синяк на две недели, обида на три и... Очередная серенада. Еще более заунывная и ушераздирающая.

Жорж свернул за угол. Я бегом пересекла балюстраду и скрылась в здании. Кабинет сэра Ортингтона в западном крыле второго этажа. Отслютовала брату жениха семьдесят восемь – работает охранником в резиденции – и отправилась, куда послали. Мора, увы, двинулась следом. Она как геморрой – сколько ни избавляйся, все равно возвращается. Другим не видна, а у тебя зудит. И молчать невозможно, и рассказать стыдно. Продолжать аналогии можно бесконечно и все подходит.

Поднялась по лестнице и свернула в западный коридор. Ковровая дорожка смягчала стук каблуков, а тусклый свет факелов – фигуры посетителей. На втором этаже царил уют-

ный полумрак. На диванчиках, в ожидании очереди, сидели посетители. Кто-то клевал носом, кто-то читал книгу, кто-то водил карандашом по тетради. Главное – на меня не обращали внимания. И ведь почти повезло, но Мора все же подгадила и мерзко захихикала.

– Бледная ж ты трепонема!

С большинством женихов у меня хорошие отношения – мало кто всерьез воспринимал затею со свадьбой, а вот о родственниках такого не скажешь. Леди Мерибет, матушка шестнадцатого жениха, до сих пор не «оправилась от несмываемого позора». Целый год она смешивала мое имя с тем, что не тонет, еще столько же занималась мелким пакостничеством, приказывая слугам выгуливать своих многочисленных мопсов на лужайках перед моими кофейнями. А потом Эрик за меня отомстил. От души отомстил! А ведь он далеко не мопс и лужайка леди Мерибет не чета нашим... С тех пор ее мопсы нас не тревожат.

Откинула вуальку и убедилась – оно!

Леди Мерибет неслась как танк на Берлин в сопровождении лучшей подруги. Такой же высокой, худой и неприятной особы с крючковатым носом. Они походили на цапель. Такие же важные, и такие же неказистые. Оживленная беседа велась явно об утренних новостях, то есть – обо мне. Как назло, затеряться в коридоре негде. Дернула за ручку ближайшей двери и скрылась в кабинете. Повезло!

– Выкусила?!

Мора кружила над головой, гаденько посмеиваясь, а я прижалась к двери. Мягко застучали каблуки и послышались и голоса:

– Таковую невестку врагу не пожелаешь! Несносная девица! Так ведь Охис отвел!

– Вот уж точно Охис отвел, – на всякий случай перекрестилась. Такая свекровь – лучшее противозачаточное средство. Да и похлеще венца безбрачия. Чем думала, когда соглашалась на свадьбу? До сих пор кажется, что Триболь меня опоил...

– Никаких манер! А хуже всего – она прогрессивных взглядов!

В ответ – судорожный вздох, словно меня обвинили в постыдной болезни.

– Грешна, каюсь...

– Мне кажется, она всеми силами пытается привлечь к себе внимание! – вставила свои пять копеек незнакомая мадам.

– Тебе бы такую славу, милочка!

– А я думаю, выбирает жениха побогаче! Думаешь, покойный виконт своей смертью умер?

Тридцатый – плотник, сорок восьмой – кузнец, девяносто девятый – вообще бездомный. Один богаче другого!

Хотела применить простецкое заклятье икоты, но услышала голос:

– Я бы не советовал!

Взвизгнула и обернулась под истеричный хохот Моры.

Стоило осмотреться, когда вошла. Владелец просторного кабинета сидел бесшумно, я и не заподозрила ничего. Высокий, широкоплечий, с военной выправкой, как у Самюэля, с такой же усталостью на приятном лице. Потери оставляют след. Они рисуют едва заметными штрихами в области глаз и губ, опускают плечи, лишают взгляд блеска. Незнакомец небрежно откинул со лба темные волосы. В карих глазах – осуждение с примесью любопытства, губы плотно сжаты. Кажется, я ему не нравлюсь. Кажется, это взаимно.

– Какая бестактность! – нашлась, наконец. Расправила плечи, вздернула подбородок и поправила платье.

– Не помню, чтобы приглашал вас.

Его правда... Сникла.

– Вы правы.

Хотела откланяться, но взгляд зацепился за портрет графа. Мора снова захихикала и, подгадив вдоволь, исчезла.

Перевела взгляд на незнакомца, снова на портрет, опять на незнакомца. Зрелище не такое удручающее, как я полагала. Да, определенно пошел в матушку.

Я беспомощно протянула:

– Ну, нет...

– Ну, да, – разбил надежды сэр Ортингтон. – «Леди Игида», стоит полагать?

Прокашлялась, степенно кивнула и представилась.

– Леди Джулия Ортингтон.

Милая улыбка, руку можно не подавать, если мужчина си-

дит, а ты в перчатках. Вообще, по этикету ему бы следовало подняться, но сэр Ортингтон красноречиво показал, где он этот этикет видел. Ради меня он и задницы от стула не оторвет, ведь там у него правила хорошего тона.

– Порочное пятно в нашей родословной. Наслышан, – мужчина небрежно отшвырнул газету со мной на обложке и поджал губы. Его презрительный взгляд блуждал по мне, словно выискивая те самые пятна. – Напомните, кто ваш отец?

Ладно. Дама я не гордая. Передо мной возможный билет домой. Воспользуюсь, сомну и выкину.

Я осмотрела кабинет будущего графа, пытаюсь составить о нем представление. Высокомерен, обижен жизнью и вымещает это на других, а в остальном – темная лошадка. Загадок в нем явно больше, чем звезд на небе. Кабинет просторный, но без излишеств. Украшения, портреты родственников, статуэтки любимых собачек – ничего такого. Портрет графа, как портрет президента, «маст хав» в кабинете любого чиновника. Вряд ли они с отцом близки. Шкаф уставлен обычными книгами – политэкономия, древний язык, законы... стоп! Большая книга проклятий и противодействий! Рефлекторно облизнулась и повернулась к поддельному дальнему родственнику:

– Я здесь не за этим!

Мужчина медленно откинулся на спинку кожаного стула. Атмосфера накалилась. Взгляд его потемнел, черты лица за-

острились. Прямо коршун, а не человек! Потянуло холодком. С магией я сталкивалась редко, но покалывание на кончиках пальцев, скольжение воздуха по коже, словно невидимое касание, ни с чем не спутаешь.

– Что вы себе позволяете?! – возмутилась, когда бесплотная рука скользнула мне под юбку. – *Ipsitum*!

Яркая вспышка захлебнулась коварной ухмылкой на губах сэра Кристиана. Простенькое заклинание защиты даст в лоб незадачливому вору или насильнику, но не боевому магу. Впрочем, сэр намек понял, щупальца убрал, небрежно кивнул на стул, посчитав меня достойной нескольких минут его драгоценнейшего времени. Устроилась на краешке кожаного сиденья и обозначила проблему:

– Помогите мне снять проклятье.

– Какое?

Не только грубиян, но еще и тугодум! Терпи, Маша, просто терпи. Это билет до дома, но даже не в плацкартный вагон до Дальнего Востока. Это хуже! Сидячее место возле тамбура, пропахшего дешевым табачным дымом и туалетом!

– Это же очевидно! – стиснула сумочку, чтоб не нахамить.

– Мне – нет.

– Вы, вообще, проклятийник?

– Чего вы ждали от нашей встречи, леди Ортингтон? – на последнем слове он мазнул по мне брезгливым взглядом. Разве что губа не дернулась!

– Разгадки. Но, очевидно, я не по адресу. Вы даже не ви-

дите моего проклятья!

– Вы прокляты мудрованием, не больше, – отмахнулся он, утратив ко мне интерес. Куда больше его занимали бумаги, испещренные заковыристыми символами. Не местными, кстати! Вытянула шею, чтобы рассмотреть получше, но в меня ударил ледяной взгляд.

– Вы слышали о хороших манерах или из принципа ими не пользуетесь?

– А вы слышали о суровой правде или предпочитаете сладкую ложь? – невозмутимо парировал сэр Кристиан, вернувшись к записям.

– Каждый видит, что хочет. Вы предвзяты!

– Скажите это зеркалу – не мне! – он подчеркнул несколько слов, отложил лист. Кажется, сарсонский язык. Очень древний. В поисках заклинания, которое вернет меня домой, я перерыла множество талмудов. И так сложилось, что все они на сарсонском.

– Значит, это ваше профессиональное заключение? – проговорила машинально, пытаясь вчитаться в символы. Сложно, когда они вверх головой.

Мне ответили долгим красноречивым взглядом, посылающим туда, куда приличным леди ходить не пристало.

– Может, вы сядете ко мне на колени, чтобы лучше рассмотреть? – раздраженно заметил виконт.

Резко выпрямилась. Крепкое русское словцо так и рвалось с уст, еле сдержалась! К незнакомым словам ортингтонцы

относятся осторожно. Не далее как на прошлой неделе горел костер по унитазному королю. Сэр Бродвейн, желая выделиться, заказал для магазина вывеску «сантехника» вместо «санитарная техника», за что и был сожжен, как возможный попаданец. С другой стороны, идея сработала. Выделился, прославился и разбогател. Посмертно, правда...

А жгут нас из-за мятежников. Лет десять назад в ходе научного эксперимента, русские ученые прорубили портал и послали в него дружелюбный отряд с фугасами и автоматами. Тэйлионцам, понятное дело, гости не понравились. Автоматы захлебнулись магией. В общем, пришельцы кинулись врассыпную, попытались ассимилироваться, вызвали подмогу. Но тэйлионские маги портал залатали. Сколько моих соотечественников осталось на Тэйле – неизвестно, прибыли ли новые – непонятно, есть ли еще пространственные дыры – не выяснено. Но теперь во всех бедах принято винить попаданцев. Хотя, как по мне, соотечественники ни при чем. С политикой графа остается позавидовать его живучести.

– Что ж, я напрасно потратила время.

– Мое, – заметил мужчина, не отрываясь от манускрипта. Древнего, как пирамиды Хеопса! Цивилизация Сарсонов давно вымерла, оставив после себя несколько древних книг о магии и естествознании, неприличную наскальную живопись и пару заразных болезней.

У меня дернулся глаз. Виконт передернул каждую мою фразу! Каждую!!!

Хлопнула дверь.

Билет до дома смят и отправлен в мусорную корзину.

Примета с Морой опять сработала.

И... я хочу этот манускрипт!

Опомнилась только у дома. Поняла, что сижу на ступеньках беседки и смотрю, как волны разбиваются в пену о камни. Также и мои надежды разбились о безразличие и надменность сэра Кристиана. Если тебя обидела жизнь – это не повод обижать других!

Я держала в руках шляпку, позволяя ветру забавляться с атласными лентами. Волосы растрепались, подол платья испачкался, на душе – скверна, все сущее – бренно.

К хорошему быстро привыкаешь. На Земле тебя могут высмеять, могут нахамить, причем в такой форме, что не отмоешься, пихнуть, опять-таки, не проблема. Я привыкла, выходя из дома, надевать панцирь с шипами. Если кто и кинется – не беда, сам же и поранится. Но Тэйла лишила меня панциря. Перед леди открывают двери, ей протягивают руку помощи, даже когда не нужна. Улыбки, иногда даже искренние, – неперенный атрибут наравне со шляпкой и веером. Если тебя захотят задеть, то сделают так филигранно, что и не сразу поймешь, а иногда еще и спасибо скажешь. Только дома дойдет, что, вроде как, оскорбили... Но с сэром Кристианом не в бровь, а в глаз! Один его вид – уже оскорбление! Надменный, высокомерный, угрюмый! Даже не поднял-

ся, когда я вошла. Хорошо, не вошла – ввалилась, но представилась же потом. Мог бы встать, родственники все же.

– Ненавижу! – прорычала, сжимая в руках многострадальную шляпку.

Слуги толпились неподалеку и шушукались. Мое поведение сбilo их с толку, но у меня все надежды рухнули – имею право! Неужели теперь не вернуться домой?

Никогда – страшное слово! Оно ввергает в уныние. А уныние хуже болота.

Подняла взгляд. Сквозь ветви цветущих вишен меня ласкало такое же, как на Земле, солнце. Такое же небо взидало лазурной бездной, посеребренной вуалью облаков. Тот же ветер, та же вода в реке, даже бархат травы, щекочущей пятки – тот же. Но все же – другой.

Тоска крепчала.

Прямо Тургеневская безысходность.

Сзади слышались тяжелые шаги. Эрик. Полуогр, полуразумное существо. Его поступь – тяжелую, медленную, не спутать.

– Леди, я не мопс, но ради вас – готов и на такое! – заверил он.

Усмехнулась, представив, старательность Эрика на письменном столе виконта. Сэр Кристиан надменно заломит бровь и попросит не озоровать. Ибо он слишком занят, чтобы проявить хоть капельку человеческих эмоций.

– Боюсь, кабинет сэра Ортингтона не выдержит такого ма-

родерства. Но спасибо за заботу.

– Могу. Правда! Вы только попросите...

Огр говорил плохо, думал тоже не очень, но его непосредственность подкупала. Он потоптался на месте и вернулся к остальным. Больше никто не решался, но присутствие друзей ободряло.

Хлопнули двери, застучали каблучки Кэролайн по деревянному крыльцу.

– Что за собрание?! – воскликнула женщина. – Леди любит водичкой!

– Леди, а, может, и правда, в водичку его? Там и полюбуетесь? – оживился огр.

– Святой Охис, Эрик! Кого ты собрался утопить?

– Но я же...

– За работу, живо! – Кэролайн хлопнула в ладоши, разгоня собравшихся. – Ну же! Вас это тоже касается, Самюэль.

Дворецкий со свойственной ему выдержкой промолчал и удалился.

Когда все уходит – начинаешь слышать мир. Он дышит шепотом ветвей, шелестом травы и рокотом волн. На Земле у меня не было возможности остановиться и посидеть вот так. Просто посмотреть, как течет жизнь. Каждую секунду я была чем-то занята: работа, учеба, смс, встречи с друзьями в кафешках, фильмы или просто серфинг по Интернету, если оставалось время и силы после операций. Жизнь походила на бесконечный бег по колесу, которое разбилось о камень

реальности. Чужой реальности под названием Тэйла.

Кэролайн примостилась ступенькой ниже. Во всем, даже в таких мелочах ортингтонцы выражают почтение к леди. А с какой, собственно, стати?

– Не помог, – ответила на невысказанный вопрос.

– Как же так? Сэр Кристиан – лучший проклятийник!

– Я в этом не уверена. Мое проклятье он даже не заметил.

Почувствовала взгляд и повернулась. Кэри смотрела тяжело и поджимала губы.

– Что? Ты тоже думаешь, я сбегая из-под венца, потому что «мудрую»? – повторила ироничный тон недопроклятийника.

– Нет. То есть... Леди Джулия, поймите меня правильно. Вы мне как дочь, и я желаю вам добра, но... Сэр Кристиан лучший в своем деле. Если он говорит, что проклятья нет, значит, его нет.

Завязки на шляпке продолжали беззаботно танцевать. Вот бы и мне так же – забыть обо всем и наслаждаться жизнью. Но там, на Земле, у меня остались родители, пациенты, кошка, в конце концов и гибискус, который, наверняка, засох.

– Что вы теперь будете делать? – осторожно спросила женщина.

Пожала плечами и закрыла глаза. Ветер ласково гладил лицо, а солнце стекало по коже ободряющим теплом.

– В проклятье Егоровой матери так было: «Твой мир ни-

когда не станет прежним, покуда не выйдешь замуж!», – замолчала, сверяя память со сказанным. – Да. Кажется, так. Она ведьма – все это знают. И вот, пожалуйста. Замуж я не вышла, и мой мир, собственно, не такой как прежде. Не такой, как я хочу.

– Простите, леди, но... чем вам не нравится Тэйла?

Улыбнулась и открыла глаза.

– Она прекрасна. В чем-то даже лучше Земли, а в чем-то несравнимо хуже. Но я искренне верю, что каждый человек должен быть на своем месте. Я здесь чужая. К тому же, так не бывает, чтобы тайна оставалась тайной всю жизнь. Рано или поздно все узнают, кто я. Большой будет костер. Ничуть не меньше толпы, которая придет посмотреть, как горит попаданка, перебивавшая в невестах доброй половины столичных парней, – невесело усмехнулась и впиалась взглядом в горизонт. Занимался закат, умывая речную гладь едва различимой алой вуалью. – Могут пострадать и другие. Все, кто стал мне так дорог. Поэтому... Я попробую последний раз. Должна попробовать. Только, Кэри, сделаем все надежно.

Мысль кажется куда умней, пока она в голове...

– Леди, вы же не серьезно? Сэдрик же не от большого ума это предложил!

– В моем мире говорят: устами младенца глаголет истина. Что, если Сэд прав? Если лишит меня возможности сбежать, все получится! Я произнесу это злополучное «да» своей волей и все свершится!

– И вы уверены, что сразу вернетесь домой?

Понятия не имею, что случится, но что-то определенно произойдет! Потому что если нет, то пять лет жизни я потратила на ерунду. Хобби, конечно, разные бывают, но коллекционировать женихов как-то чересчур.

– Скажи лучше, что произошло у вас с Самюэлем? Он тебя обидел?

– Смертельно! – Кэролайн изменилась в лице и расправила подол василькового платья. – Сказал, что луковый пирог пресноват! И неплохо бы добавить щепотку перца для вкуса. Это помимо сметаны!

Сложно быть серьезной, когда хочется смеяться. Но все, что касается кулинарного мастерства Кэролайн – тонкая корочка хрупкого льда!

– Как он мог! – выдавила с иронией.

– Пусть помучается.

Порой мне кажется, что мужчина и женщина не созданы друг для друга. Мы как разные подвиды человека. Противоположные подвиды! Как темная и светлая сторона Луны. Женщина – средоточие эмоций, духовности, а мужчина – плотских желаний, материального. И как при таких исходных можно говорить о совместном будущем? Для нее пирог – признание в любви, для него – всего лишь тесто с луком.

Измена Егора, поведение сэра Кристиана и даже прямолинейность Самюэля – очередное тому доказательство. Од-

ному нужен секс, второму – месть, третьему – сытый желудок. Любви не существует, а брак – всего лишь форма сосуществования мужчины и женщины, которые боятся одинокой старости.

– Чуть не забыла! – спохватилась Кэролайн. – Вам же записка пришла!

Бросила шляпку в траву и развернула листок.

Сердце остановилось. Мир утратил звуки и сузился до четырех слов: «я знаю твою тайну». Тревожный вопрос Кэролайн прозвучал как из глубокой бочки.

Прочитала трижды. Текст не поменялся.

Кэри заглянула через плечо, но я отдала ей записку, собираясь с мыслями. Не стоит сразу паниковать! Я никому не говорила, что попаданка. Виконт – умер, а Кэролайн не предаст даже за редкие рецепты выпечки! Но, если кто-то догадался сам – быть беде!

– Принеси телефон. Срочно!

– Телефон? А, вы про тот переговорный камень?

Кивнула, не сводя взгляда с ровных букв. Почерк кажется смутно знакомым, но не могу вспомнить, где видела его прежде. Буквы резкие, размашистые, с наклоном вперед и сильным нажимом.

Жених сто пятьдесят четыре, Клифорд, – артефактор. Он подарил мне особый подарок – продолговатый камень, который в любой момент может связать меня с ним. До сих пор я ни разу не прибегала к его помощи. Но все вещи ждут своего

часа, не так ли?

Как работает магия на Тэйле, я до конца не поняла. Кажется, здесь каждый ею наделен, но кто-то больше, кто-то меньше. Чем-то похоже на биоэнергетику. Например, для активации камня нужна магия. Я уверена, что у меня ее нет, но активировать камень могу! И мелкие заклинания творить – могу! К примеру, наслать икоту или даже вызвать чесотку. При усердии могу передвигать предметы, но не тяжелые, и на короткие расстояния. Так, по мелочи и все, в основном, без практической пользы. Но сам факт меня позабавил. Я первое время брала уроки у опытного мага, но быстро поняла, что не мое. Время и сил упражнения отнимают много, а дают – мало. Боевые маги, способные создавать огненные шары, взрывать здания, насылать иллюзии – вообще монстры! Они учатся всю жизнь, тренируют тело, умиряют разум, сознание и волю. У них особая диета, специальные упражнения и...

А я поесть люблю. Так люблю, что готова пожертвовать волшебством ради булочки с теплым малиновым джемом.

Кэрлайн принесла камень, пожелала удачи и вернулась к делам. В беседке гулял теплый ветерок, а закатные лучи скользили по граням гладко отполированного артефакта, с виду похожего на обычный речной камень. Накрыла его ладонью, вспоминая заклинание.

Незамысловатые слова на старо-ортингтонском направляли энергию. Она растекалась по телу горячими потоками,

стремилась к центру ладони и утекала в артефакт. Он завибрировал и сразу откликнулся на зов.

– Джулия? – Клиффорд не ждал звонка, да и я не ожидала, что сработает.

Не будь камень для артефакта исключительной редкостью, можно было бы наладить массовое производство. Первое время я паниковала без сотового. На рефлексах хватала то камень, то ложку, ловя себя на неосознанном желании проверить почту или соцсети. Но быстро привыкла. Это не сложно, когда есть более важные задачи: выжить, например...

– Доброго вечера, Клиффорд. Скажи, ты можешь по короткой записке узнать, кто ее составил?

– Давно прислали?

– Точно не знаю. Час назад или чуть больше.

– Имени отправителя не скажу, но есть вероятность считать ауру. След быстро теряется. Чем скорее проверим – тем выше шанс что-нибудь вытащить.

– Понимаю, время позднее, но я могу приехать прямо сейчас?

– Буду ждать в лавке. У тебя все в порядке? Помощь нужна?

– Только узнать отправителя. Спасибо, Клиффорд. Скоро буду.

Я отняла ладонь от артефакта и потеряла виски. Энергии хватило на несколько минут, а головная боль часа на три.

Сменила платье на дорожное, глотнула крепкого кофе и, прихватив чертежи, отправилась в дорогу. На кэбе долго, поехала верхом. Местное общество не одобряет такого своеволия, но мне ли переживать за репутацию? К тому же, леди может быть с приветом. Леди Мерибет, например, славится безмерным количеством мопсов. Леди Гвинет – коллекцией зубных щеток для лошадей. Но самый большой привет у леди Орсоль, она вообще мужчина. И ради своей кардиограммы, никогда не спрашивайте ее про усы...

По тесным улочкам, зажатым в тиски цветущих клумб, я неслась галопом. Тыкающие в меня пальцы мешались с хором осуждающих охов. Но при попытке протиснуться куда-нибудь без очереди на Земле реакция куда забористей. Так что не трогало. Вообще никак. Скорее даже забавляло.

С Клифордом меня связывает не только не случившийся брак, но и работа. Техника на Тэйле развита слабо, но ее отсутствие восполняют артефакты. Например, переговорный камень или нагревательный ящик. Каждый вечер требует зарядки в магическом источнике, но в итоге иномирная магия на порядок дешевле земного электричества! В моей пекарне выпечка всегда горячая, а это серьезное конкурентное преимущество! Один минус – порой детали для артефактов редкие, дорогие или вовсе эксклюзивные.

Клиф не задает лишних вопросов и не сует нос в мои дела, поэтому пользуется моим доверием. К тому же, мы подельники в одном незаконном предприятии, которое карает-

ся костром, но приносит людям пользу.

Я свернула в Каштановый переулок, когда заметила увя-
завшегося за мной сэра Эдгара.

Брр!

У меня всякие были женихи: красивые и страшные, худые и толстые, титулованные и нет, богатые и бедные, бездомные даже. Но с виконтом Иолом что-то не так. За всех шагала без раздумий, а за него – не могу. Резвость пятой точки, интуиция или что-то еще мешает, но не получается. Он хорош собой, почти копия Брэда Питта, богат, титулован, умом слегка обременен. Красавец виконт, владеющий сетью ювелирных заводов – не мечта ли? Если бы не болезненная одержимость мной, доходящая до абсурда, я бы, может, и попробовала, а так – страшно!

Получив предложение замужества от сэра Эдгара, я впервые задумалась, а что будет, если не сработает? Если после согласия будет только брак, а не возвращение домой? Все мои женихи – партнеры или подкаблучники, с легкостью бы дали развод. Но не он. Если не сработает, то из свободной женщины я превращусь в птичку в золотой клетке. Как и другие замужние женщины, буду счастлива в лучших традициях ислама. Жить по формуле «кухня-церковь-дети» да еще с мужчиной, который тебе безразличен, подчиняться его воле и просить разрешения выйти на улицу воздухом подышать – не для меня. А сэр Эдгар такой! По глазам его вижу, есть нечто темное, страшное, пугающее. Возможно, у него в

замке отдельная «красная комната» или даже красное крыло, в котором плетки, распорки, стеки и прочий арсенал пугающих «игрушек» для неудовлетворенных мальчиков.

– Леди Джулия! – ударило в спину.

Притвориться глухой?

– Леди Джулия!

Стук копыт сэра Эдгара приближался. Ах, это его лошадь...

Когда мужчина со мной поравнялся, придержала коня и перешла на рысь.

– Сэр Эдгар. Простите, не расслышала, – приторно улыбнулась. В отличие от сэра Кристиана, я продвинутый пользователь этикета. – Очень тороплюсь!

– Уделите мне минутку? – приосанился мужчина.

Черный камзол оттенял его светлую кожу. Длинные волосы забраны в хвост на затылке. Голубые глаза смотрят уверенно, даже дерзко.

– Я же говорю – тороплюсь. Дело безотлагательное!

– Простите за дерзость, леди Джулия, но я ни в коей мере не причиню вред вашей репутации. Мы представлены, свободны, к тому же – в общественном месте. Я правда не займу много времени.

Да что ж ты хуже молочницы! Сколько ни выводи – все равно возвращается!

– А я правда очень-очень спешу и не имею возможности задержаться. Пришлите ко мне посыльного, договоримся о

встрече, если вам так угодно. Уже вечер...

– Готов подождать. Мое дело тоже не терпит. Завтра – слишком поздно!

Это для чего это?

Закатила глаза и вздохнула. Я бы встретилась с тобой двадцать восьмого никогда в следующий низачтольник в нет-нет часов и в чур меня минут.

– Как пожелаете. Но ждать, возможно, придется долго. К тому же, вопрос конфиденциальный, я не могу вас пригласить.

Я остановилась возле лавки Клифорда и спешила прежде Эдгара. Только джентльменских обнимашек не хватало! А ведь помощь даме с лошастью – социально одобряемый повод пощупать ее прелести. Я эти штуки хорошо изучила!

– У вас свидание с бывшим женихом? – голос сэра Эдгара похолодел.

– Не думаю, что вас это касается, – отрезала, привязывая коня к коновязи. – И не обижусь, если вы меня не дожидаетесь. Прошу прощения!

Обошла мужчину и, сняв с лошади сумку с документами, вошла в здание.

Клифорд встретил на пороге. Его взгляд прожигал в сэре Эдгаре дыру, пока рука переворачивала вывеску на «закрыто». Стеклопакеты – слабая преграда для вора или смутьяна, но это же лавка артефактора! Неосмотрительный

вор или смутьян, в лучшем случае, уползут в растрепанных чувствах, а в худшем – уедут на носилках в лечебницу, отлеживаться недельку-другую, если рискнут чем-нибудь поживиться. Находились уже идиоты...

– Не нравится он мне, – заметил Клиф, опуская завесу темноты на панорамные окна и двери. Эдгар усмехнулся и, скрестив руки на груди, приподнял подбородок.

Да что ж он такой упертый? Упертость, точнее, неясность ее причин, меня и пугает!

– Мне тоже.

– Отвадить?

Клифорд, чьи мускулы шире, чем у Валуева, а внешность несравнимо приятнее, завязал смоляные волосы в пучок и откинул прядь со лба.

– Спасибо, но не хочу тебе проблем. Квашеная морда ви-конта – всегда проблема. Разберусь.

Бросила сумку на кожаный диванчик. В лавке артефактора чувствую себя как дома. Много времени здесь провела, обжилась практически.

– Вот записка. Личность отправителя – вопрос жизни и смерти.

Клиф прочитал текст, бросил на меня озабоченный взгляд и смолчал.

– Сделаю, что смогу.

И следующие полчаса делал. Я молча ждала, попивая чай и заканчивая расчеты на своих чертежах. Мне позарез нужен

прибор для переливания крови, но на Тэйле, понятное дело, ничего подобного нет. Вообще, с медициной здесь туго. Травки, примочки, банки и все такое. Бабки-повитухи и знахари – на передовой. Большой зуб заговаривают, аппендицит лечат уговорами и колдовскими мешочками, когда что-то не выходит – хоронят, со словами «на все воля Охиса». Хирургия под запретом, как и вся остальная некромантия. О, да, здесь между ними ставят знак равенства.

Лекари есть, причем сильные. Мой жених тридцать семь – сэр Энтони Бовейн – один из них. Его способностей хватит на одного-двух больных. Если травма магическая – нет проблем, если бытовая – есть. Остановить кровь, в принципе, можно, а вот залатать раненую селезенку магией – не получится. Поэтому смертность в Китридже, да и на всей Тэйле, как в Африке. И я пытаюсь хоть как-то с этим бороться.

– Ну, что могу сказать, – протянул Клифорд, возвращаясь из лаборатории.

По голосу поняла, что информации мало.

Он почесал затылок, бросил записку на прилавок и посмотрел на нее, как на проказу.

– Этот человек не отсюда.

– Не из Ортингтона?

Поймала тяжелый взгляд артефактора и задержала дыхание.

– Ты хочешь сказать... Он не из Китриджа? – произнесла осторожно.

– Да, Джулия. Я хочу сказать, что он не с Тэйлы.

Повисла тишина.

– Это точно?

– Мужчина. Попаданец. Не оставил магического следа.

Большого сказать не могу.

Заправила прядку за ухо и растерла грудь. В лавке тесно, все заставлено товаром – разными диковинными и магическими вещами. Мало воздуха, но сейчас показалось, что он вовсе закончился. Допила остатки сладкого чая и поднялась.

– Я никогда не спрашивал, – мужчина замолчал, но я понимала вопрос. Доверяю ли я ему? Ну, в случае чего, нам гореть на соседних кострах, поэтому смысла скрывать нет.

– Но догадывался, – нервно улыбнулась, разглядывая записку, пытаюсь вспомнить, кому принадлежит этот почерк. Незнакомец знает, кто я, а, значит, он тоже с Земли. И раз мне знаком его почерк, то мы где-то пересекались. Может, в мединституте? Или кто-то с работы?

Перед внутренним взором мелькали конспекты сокурсников, доски в лекционных залах, медицинские карты пациентов... Но я же не компьютер. Жаль, нельзя обратиться к памяти и извлечь нужную информацию.

– Кто-то еще знает?

– Только Кэролайн. Домашние догадываются, но не знают наверняка. В них я уверена.

Клифорд напряженно молчал – примерялся к новой ин-

формации. Конечно, у меня не выросли хвост или рога, но в Китридже лучше ходить с рогами, чем с клеймом попаданки. Впрочем, с последним ходят только до костра.

– У меня в Айроне есть знакомый виконт, – начал он издалека.

– Клиф, перестань. Я не собираюсь бежать!

– Но в Айроне не преследуют попаданцев. Там ты сохранишь титул, начнешь все с начала, будешь жить без страха.

Беспокойство на лице такого большого, сильного и внешне грубоватого мужчины, который больше похож на кузнеца, чем искусного артефактора, тронуло.

– Подожди, – догадался он. – Так то проклятье, о котором ты рассказывала... Эти свадьбы...

– Правильно говорят, трус не играет в хоккей, а глупому не быть артефактором. Я проклята и думаю, что брачный ритуал вернет меня домой. Это кажется немыслимым, но...

– Это все объясняет, – усмехнулся Клиф. – Кстати, виконт Ортингтон вернулся в столицу, он сильнейший проклятийник из известных...

– Он шарлатан! – свернула записку и убрала в сумочку. – Имела неудовольствие с ним познакомиться.

Клифорд рассмеялся, и не стал расспрашивать.

Новый заказ ему понравился. Клиф творит с восторгом и ему важней азарт, а не деньги. Дух изобретателя требует выхода, а клиентам подавай амулеты от сглаза, охранные артефакты да отпугиватели мышей. Его бестселлер – артефакт

супружеской неверности. На деле никакой магии – обыкновенная химия. Распыляешь на грязные порты благоверного химическое соединение и узнаешь, отпускал ли он на волю головастика. Рукоблудие в мире, где есть бордели, не в чести, так что положительный тест почти всегда железобетонная улика.

И ведь я шутки ради предложила, а Клиф шутки ради со-
здал, кто-то ради шутки купил, и потом стало не до шуток. Записываться на покупку артефакта приходилось за три, а то четыре недели! Дамы бесновались, дамы требовали сейчас, немедленно и с запасом (штука-то одноразовая). А однажды разъяренный муж явился с претензией и чем-то похожим на биту. Подышал Клиффорду в пупок, извинился и ушел злобно сопеть в пивную кружку. Когда перед тобой копия Валуева, претензии сразу кажутся какими-то несущественными. Прямо вот как ты сам...

Мы плодотворно поработали и составили список необходимого. Что-то я смогу достать через свои связи, а что-то требует поисков и изобретательских решений. Работа отвлекла от неприятных мыслей и лавку я покидала в хорошем настроении, которое тут же разбилось.

Из всех мужчин Китриджа, именно здесь, именно сейчас – они! Первый спешно поднялся с лавки и приосанился, второй спешил с ворна.

Я словно глотнула морозный воздух: восхитителен! Грациозен! Таинственно притягателен! Волнительно опасен!

Это я про ворна, разумеется. Но вернемся к мужчинам. Мало одной проблемы, так теперь две на мою голову.

– Леди Джулия, – бесцветно произнес виконт, небрежно склонив голову.

Руку ему подать или денег на курсы этикета?

– Сэр Кристиан, – улыбнулась в ответ с тем же посылом... куда подальше. Демонстративно достала ажурные перчатки и пальчик за пальчиком медленно их надела.

Мужчины наблюдали за действием с поразительной выдержкой.

Поправила перчатки и подняла взгляд на его милость. Даже знатной женщине не положено открыто смотреть мужчинам в глаза. Мимолетно, с улыбкой, при разговоре – еще допускается, но с вызовом, на расстоянии вытянутой руки – боже упаси! Сразу прослывешь блудницей. Но мне-то нечего терять, уже слышу!

– Показалось, в прошлую встречу вас задели мои слова?

Даже усердные тренировки не способны придать голосу такую скуку. Эдгар сжимал кулаки и белел от злости – на большее при виконте не отважился.

– Показалось!

– Замечательно, – кивнул сэр Кристиан и скрылся в лавке артефактора.

Вот и поговорили.

Сэр Иол менял цвета как гирлянда на рождественской ели. Будущий граф не удостоил его не то что скупым при-

ветствием – мимолетным взглядом! Отступила на шаг, когда виконт побагровел и фыркнул. Может и мне обратно в лавку? А то мало ли...

И я бы ушла, но ворн снова привлек внимание.

– Не знал, что вы знакомы с виконтом Ортингтоном! – прошипел Эдгар, сжимая кулаки.

Но я не слушала. Меня заворожил ворн – порождение магии, в чьих венах драконья кровь. Миндалевидные глаза гипнотизировали, манили подойти. Пальцы зудели от нестерпимого желания прикоснуться к черному бархату его кожи, в закатных лучах отливающему цветом дорогого вина.

Робко шагнула вперед, и звуки стихли.

– Здравствуй, дружок!

Крупные ноздри дернулись, а радужка медленно меняла цвет на иссиня-черный. Ворн насторожился.

– Какой ты хорошенький...

Медленно потянулась рукой к его шее.

– Леди, отойдите! – прогремел голос сэра Ортингтона.

Я вздрогнула, ворн дернул мордой, но наш интерес друг к другу оказался сильнее. Меня тянуло магнитом. Даже если бы захотела, не смогла бы отойти. Коснуться, погладить, почувствовать тепло его тела – жизненно необходимо!

Я читала про ворнов. Сильные, выносливые, невосприимчивые к магии и преданные хозяину настолько, что при его смерти бросаются на камни, не в силах пережить потерю. В пригороде столицы даже утес есть, в народе прозванный

«Ворнов».

– Леди Ортингтон! – сэр Кристиан схватил меня за плечо, но ворн коснулся горячим носом моей ладони.

Оторопели все, и я тоже. Сознание ворвалось в реальность, проснулся страх перед потомком дракона, но его смыла нежность, плеснувшая в пальцы, скатившаяся по руке и свившая гнездышко в груди.

Я улыбнулась, повела плечом, скидывая ладонь сэра Кристиана и шагнула ближе к животному. Бархатистая кожа приятно щекотала пальцы. Люблю лошадей, но ворн – шедевр! Кожаные крылья, искусно сложенные по бокам, шевельнулись.

– Корнел! – предостерег сэр Кристиан и шагнул ближе. Так, что я спиной касалась его груди.

Но ворн не слушал хозяина. Подобрался ко мне, воровато поглядывая хитрыми глазками, словно что-то задумал. Уткнулся носом в мою щеку, а дальше... Яростный рев, звонкий хлопок, и копыта Корнела впились в землю рядом с моим лицом.

Лицом!

Сэр Кристиан повалил меня и укрыл собой как щитом за долю секунды. Копыта ворна едва не обрушились на его голову. Резкий порыв ветра взбил пыль. Я зажмурилась и закашлялась, не то от грязи, не то от тяжести мужского тела.

– Вы сумасшедшая? – выругался виконт, прижимая меня к земле, не позволяя шелохнуться.

– Это вы сумасшедший! Зачем вы...

Стоило сказать «спасибо», но язык не поворачивался. Виконт все истолковал по-своему. Превратно, конечно же!

– Хотите сразиться с ворном?!

– Что?

Животное бесновалось. Било копытами рядом с нами, но попадало в незримый купол; хлопало кожистыми крыльями и разрывало воздух ржанием.

– Сэр Иол, вы приручали ворнов?

– Э-э... – растерянно протянул Эдгар, осторожно пятясь к стене.

– Да слезьте же вы, сэр Ортингтон! – я шевельнулась, но виконт схватил меня за запястья и прижал их к земле.

– Вы настолько безрассудны?

Притихла, разглядывая проклятийника: невозмутимо спокоен, словно пьет утренний чай. Только пульсирующая на шее артерия выдает его гнев. Волосы растрепались и щекотали мое лицо, карие глаза стали цвета крепкого кофе.

Красивый. Под стать своему ворну. Но это не повод укладывать незамужних дам на лопатки! Взгляд сэра Кристиана прошелся по моему лицу и замер на губах.

– Объяснитесь, наконец, что происходит?

– Когда мужчина приказывает отойти – вы повинуетесь. Когда говорит лежать – лежите, – холодно процедил он.

– А тапочки в зубах не принести? Вы с кем-то меня спутили, ваша милость! – последнее произнесла с издевкой.

Мы хлестали друг друга красноречивыми матерными взглядами, но виконт сдался первым.

– Что ж. Воля ваша!

– Виконт, вы же не... – растерянно начал Эдгар, но быстро заткнулся, встретив взгляд проклятийника.

– Вперед, моя отважная леди! – сэр Кристиан помог подняться и подтолкнул меня навстречу гарцующему ворну.

Захотелось снова укрыться одеялом из сэра Ортингтона. Снизу зрелище не казалось таким пугающим. Но, когда мы с Корнелом встретились взглядами, страх отступил.

Ворн бесновался, ему что-то в голову вступило, а что – я понять не могла. Он рванул вперед и сбил бы меня с ног, но вспыхнула огненная стена, отсекая животное. Корнел взбеленился, зарычал, ошетилившись клыкастой пастью, снова кинулся на стену, но она плеснула огнем, защищая меня от нападения.

Это неправильно! Он не причинит мне вреда, он просто...

– Уберите! – попросила виконта. – Это его злит!

– А ваш труп разозлит меня, леди Джулия.

Мы с сэром Кристианом скрестили взгляды словно шпаги. Ни один не хотел уступать. Вот ведь непроходимый упрямец! За все пять лет на Тэйле не встречала ни одного настолько несгибаемого мужчины! Он ни в чем не желает уступать!

– Что ж. Раз так...

Вздернула подбородок и шагнула за грань защитного заклинания. Маг не успел выстроить новое, когда Корнел сно-

ва рванулся вперед.

– Стоп! – подняла ладонь, не отрывая от ворна спокойного взгляда. Он замер. В черных как ночь глазах пылало яростное пламя. – Подойди.

Холодные приказы сами срывались с уст. Меня вело что-то большее, пока сознание истерично билось в панике.

Корнел гневно вспорол землю копытом, фыркнул, пуская пар из ноздрей, мотнул мордой.

– Подойди! – произнесла громче и уверенней.

Ворн немного поупрямился, сделал шаг вперед и два назад.

– Подойди!

Упрямый хитрец глянул на сэра Ортингтона, на меня и, заржав как обычный конь, потрусил навстречу. Моей ладони коснулся влажный нос. Обняла огромную горячую морду Корнела дрожащими руками и улыбнулась. Ворн обиженно сопел носом и пофыркивал.

– Ну вот. Хороший мальчик, – прошептала ему на ухо. Сознание возвращалось в реальность и отказывалось объяснить мое безрассудство. Лежала бы себе под виконтом, а он бы пусть сам со своим животным разбирался. – Не то что твой хозяин!

– Я бы не стал называть его хозяина мальчиком, – задумчиво протянул сэр Кристиан. – Хотя, он определенно храбрее и безрассудней многих мужчин.

Сам себя не похвалишь – никто не похвалит.

– Не ожидал, Корнел, – холодно добавил сэр Кристиан и вернулся в лавку артефактора.

Мой конь испуганно жался за коновязью, сэр Эдгар, блее ночи, прижимался к стене и прикидывался плющом, а я перебирала пальцами шелковую гриву ворна и не могла с ним расстаться. Мы словно влюбились друг в друга. Будто две отчаянных души встретились в холодном и неудобном мире. И это не мимолетное, а настоящее, крепкое чувство.

Сэр Иол сглотнул и произнес:

– Вы...

Это надрывное «вы», за которым – пустота и страх, прозвучало в высшей степени нелепо.

– Ваше дело и впрямь такое важное? – спросила с тщетной надеждой услышать «нет». Но стал бы он так упорно ждать? Печенкой чувствую – опять будет кольцами щеголять и обещать сладкую жизнь.

– Леди Джулия...

Устало выдохнула и, прикоснувшись на прощанье лбом к морде ворна, отошла от него.

– Что ж. Против этого у меня нет аргументов!

Сэр Эдгар не понял. Да я и не надеялась.

Что мне нравится на Тэйле – отношение к имени. Здесь «леди» – не пустой звук. Это высокие требования, которые предъявляет к тебе титул. Это обязанность быть лучше, превозмогать себя. Сложно представить леди лохматой, в старых штанах с вытянутыми коленками, большой миской се-

мечек «Джин», возле телевизора или компьютера. Утренний туалет – не поход в сортир с зубной щеткой во рту, хотя, куда же без него. Это ритуал с умыванием, обтиранием, одеванием. Макияж, опять-таки, ведь дама я не молодая, четвертый десяток пошел...

Так о чем это я? Имя! Леди Джулия. Если Маша Воробушкина могла заявить: «Заткни свои пробирки и вали в неевклидово геометрическое пространство», то леди Ортингтон снисходительно вздохнет, закатит глаза и сделает, потому что дала слово.

Женщина сказала – женщина передумала, работает на Земле. Тут такое неправильно поймут. На дуэль, конечно, не вызовут, но посмотрят под таким углом, что икотой не отделаешься. А уж каковы языки местного сообщества – гадюки отдыхают!

– Я знаю отличную ресторацию... – издалека начал сэр Эдгар.

Я знаю отличные постыдные болезни, которыми щедро делятся мужчины, начинающие с таких слов.

– Здесь, – отрезала я. – Сейчас. Или никак.

В Ортингтоне солнце садится рано. В шесть вечера уже горят фонари, а на небо выплывает луна. Здесь она не в пример больше, чем на Земле. Серебрит округу мягким светом, накрывая искрящимся покрывалом. Ближе к семи на улицу высыпают ребятишки. Уставшие после дневных занятий и домашних заданий, они вволю резвятся, невзирая на темно-

ту. Комиссары, важно подбоченившись, разгуливают по мощеным улочкам, охраняя покой жителей. Но преступность низкая. Да и какой в ней толк, когда полицейское управление держит в штате медиумов и провидцев, а те с легкостью, пользуясь артефактами Клифорда, отыскивают преступника за два-три часа.

Сэр Эдгар бросил взгляд на стеклянные двери лавки. Артефактор и виконт смотрели нас как телевизор, попутно беседуя о чем-то своем. Клиф смотрел заботливо, виконт – хмуро и задумчиво. Ой, да подумаешь, лошадку его погладила! Кстати, о лошадках... Платье помялось и запачкалось. Пришлось достать щетку и тщательно вытереть плотную ткань, пока сэр Эдгар что-то там говорил.

– Вам доставляет удовольствие унижать меня перед другими ухажерами? – наконец, заключил он.

С прискорбием поняла, что прослушала большую часть тирады. Еще большим прискорбием оказался жгучий стыд, отдающий изжогой. Я леди! Это почти как рыцарь, только в юбке.

– Они мне не ухажеры, – отрезала, убирая щетку в сумочку и поправляя складки на юбке.

– Мне так не показалось!

– Как бы то ни было – вас это не касается, сэр Иол. Прогуляемся. Здесь за лавкой прекрасный людный скверик, – поделила слово «людный», в зародыше убивая его надежды на уединение.

Предложенную ладонь не приняла, шла на пионерском расстоянии. Пока не свернули, чувствовала внимательный взгляд в спину. Повела лопатками, скидывая странную дрожь. Невысказанные претензии виконта никак не давали покоя. Скоро выскажет – даже не сомневаюсь.

Дорожка вела вдоль цветущих сиреней в обход небольшого пруда. В полумраке фонарей ютились влюбленные парочки, а знатные дамы, обмахиваясь веерами, дружно обменивались новостями. В России про них сказали бы: бабки-сплетницы, а на Тэйле за такое можно получить по морде от родственника, если ты мужчина, или по морде ничего не подозревающему твоему родственнику, если женщина. Так что исключительно вечерний променад с обменом новостями. А главная новость бесстыже дефилировала рядом с завидным женихом. Любопытные взгляды прямо-таки прожигали во мне дыру.

– Кажется, вас уже считают моей будущей женой, – улыбнулся сэр Эдгар, когда мы остановились под цветущей вишней, роняющей в воду жемчужные лепестки. Они медленно скользили по озерной глади, выплывая на лунную дорожку.

Любопытная формулировка и вульгарный подкат.

– Вы знаете, меня не интересует общественное мнение, – чтобы занять руки, сорвала веточку и вдохнула вишневый аромат. Легкий, весенний, наполненный жизнью запах вызвал улыбку. Сэр Эдгар тут же принял ее на свой счет и приосанился:

– Это меня в вас и восхищает.

Так и подмывало спросить «только это»?

– Сэр Эдгар, – я тщательно подбирала слова, но сложно придумать что-то новое. – Мы с вами...

– Леди Джулия, – перебил мужчина, доставая бархатную коробочку из кармана темно-сапфировых брюк.

Так громко вздохнуть неприлично, но огреть горе-жениха коробочкой – еще хуже.

– Сэр Эдгар, я вас не понимаю! – отступила на шаг, пока мне не всунули кандалы, прошу прощения, обручальное кольцо силой. – Зачем из раза в раз задавать вопрос, на который я отвечаю отказом? К чему это упрямство?

– Вот именно! – выпалил он взволнованно. – К чему это упрямство? Я богат, знатен, претендую на графский титул после сэра Ортингтона. Так в чем проблема?

Раздраженно потерла переносицу, даже не глядя в раскрытую коробочку. Под лунным светом из нее брызгали искры. Наверняка огромный дорогой камень, только в этот раз не синий, не красный и не зеленый. Сэр Эдгар не повторяется. Рискну предположить, что сердце там розовое.

Усмехнулась, когда догадка подтвердилась.

– Вы даже бездомному ответили согласиём, а я – не достоин?

Строго говоря – это бездомный ответил согласиём. Сидел на паперти, вот и решили попробовать, я как раз в свадебном платье была... Не получилось.

– Перестаньте! Вас незачем унижать, вы сами в этом преуспеваете!

– Леди Джулия, я...

– Сэр Эдгар, этот разговор становится...

– Я люблю вас! – выпалил он, схватив мои ладони.

Коробочка с кольцом упала в траву, а веточка вишни – смялась под грубой мужской ладонью. Терпкий аромат сока ударил в ноздри. Маленькая драма в масштабе вселенной, тревожная нота...

– Вы меня не знаете! – повысила голос.

– Я знаю вас больше, чем вы думаете!

А ведь я хотела вести себя как леди! Остановилась за высокими кустами, чтобы не смущать сэра Эдгара публичным отказом. Лучше бы смутила, чем вот так.

– Вы вынуждаете меня быть грубой!

Резко выдернула ладони, но мужчина схватил их и поднес к губам.

– Почему, Джулия? Просто ответь, почему все, но не я?

Да потому что ты конченный псих, который помешался на мне! И я тебя откровенно боюсь!

– Потому что я уже приняла предложение другого мужчины.

– Кто этот самоубийца? – прорычал сэр Иол, притягивая меня к себе.

– Сэр Ортингтон! – выпалила, чтобы защититься. – Сэр Кристиан Ортингтон!

Ладони сэра Эдгара разжались, и он отпрянул от меня. Поправила платье, приосанилась. Ляпнула первое, что пришло в голову и не прогадала. Я уже имела удовольствие наблюдать бледность на лице сэра Иола при виде виконта. Теперь его имя сыграло мне добрую службу.

– Но вы же... родственники! – мужчина водил по мне растерянным взглядом, подыскивая способы забрать свои слова про самоубийцу. А кого еще мне настолько не жалко? У сэра Эдгара хватит ума испортить жизнь любому, чье имя я назову. Любому. А вот на проклятийника и боевого мага он нападать постережется.

– Меня удочерили!

Ошеломленный, горе жених топтался в траве, в которой поблескивало обручальное кольцо.

– В нас разная кровь, – добавила уже мягче. – Поэтому ничто не мешает нам попробовать построить семью.

– Снять проклятье, вы хотели сказать? – с надеждой переспросил сэр Эдгар.

– Разумеется. Разумеется. Снять проклятье. Если на этом все, я бы...

– Леди Джулия! – отчаянно взмолился он, схватив меня за запястья. Да что ж за валенок-то? У него что, лишняя хромосома? Доходит, как до жирафа?

Дернулась, но он держал крепко.

– Если думаешь, что это конец – ты сильно ошибаешься! Ты будешь моей, поняла? Всегда была и всегда будешь! –

прошипел мужчина. Его глаза горели в полумраке бешеным светом. Ненормальный, яростный взгляд, отливающий желтизной, пугал.

– Сэр Иол!

Гром – детская игрушка по сравнению с голосом моего спасителя.

Сэр Эдгар словно ошпарился. Отпустил меня и отошел на несколько шагов. Я растерла саднящую кожу – останутся синяки. А с виду такой интеллигентный мужчина, и не скажешь, что буйно помешанный!

– Значит, это правда? – жестко усмехнулся сэр Эдгар, опасаясь глядеть в сторону виконта.

– Леди не лгут, да будет вам известно! – мой ледяной голос отлично дополнял уничтожающий взгляд сэра Кристиана. – Впредь постарайтесь выбирать маршруты, чтобы избежать наших встреч. Ради моего спокойствия и вашего... благополучия, – добавила с намеком, нагло пользуясь присутствием виконта.

Сэр Эдгар стиснул зубы. У него заходили желваки, а кулаки от бессилия сжались так, что побелели костяшки. Сейчас я его уделала, но интуиция подсказывала, что теперь мне придется выбирать маршруты подальше от его ареала обитания. Или просить Эрика посодействовать. Благо он это любит, умеет, практикует. К тому же, у огров от природы повышенная агрессия. А сильные эмоции нельзя держать в себе – вредно для здоровья. Как доктор говорю!

Раздраженно кивнув, я развернулась, и прошла мимо сэра Кристиана. Мои каблучки стучали по каменной мостовой, оставляя мужчин позади. Как вовремя появился виконт. Но это явно не совпадение! Развернулась, чтобы задать его милости пару неудобных вопросов, как со всего размаха ударилась в его грудь. Его милость поддержал меня и прижал к себе.

– Как вы... – начала растерянно, пытаюсь понять, что случилось.

Он ведь... бесшумно совсем! Так не бывает! Ни тени от фонарей, ни звука шагов...

Глянула на землю и замерла. В желтоватом свете фонаря мы стояли вдвоем, а тень на дорожке – только одна.

– Профессиональная привычка, – пояснил виконт. Медленно набирая тьму, рядом с моей воплотилась вторая тень.

– Это... ошеломительно! – выдохнула, продолжая стоять вот так – в кольце надежных рук совершенно незнакомого мужчины. Стыдно признать, но я давно не чувствовала такой спокойной силы, незримого покровительства, умиротворения даже.

– Зачем вы это сделали?

Я имела в виду наше положение, но виконт понял по-своему.

– Мне показалось, его общество вас тяготит.

Чье общество? Ах, общество альтернативно одаренного с проблемами восприятия сэра Эдгара? Упомянутый, важ-

но вздернув подбородок, проплыл за спиной проклятийника, делая вид, что нас не замечает.

– Показалось, – заявила с лукавой улыбкой.

– В таком случае – не задерживаю. Можете вернуться к вашему спутнику.

Глянула на удалившуюся спину упомянутого спутника и вздохнула с облегчением.

– Мы закончили разговор.

Тишина.

Стрекотали сверчки, перешептывалась листва, шушукались старушки неподалеку, обнималась странноватая парочка незнакомцев под фонарем...

– Кажется, сэр Иол один из немногих мужчин столицы, который не был вашим женихом, – виконт нарушил идиллию момента неуместным, да даже идиотским вопросом.

– Копались в моей биографии?

– Разумеется, – даже несуществующим усом не повел!

– И каким, простите, боком, это касается вас?

– Вы носите мое родовое имя. Я обязан заботиться о его чистоте. Ваше досье внушительное, но в нем много черных дыр.

Лучше неизлечимая себорея, чем повышенный интерес сэра Кристиана!

– Бесстыдница! – раздалось за спиной замечание достойной не бабки сплетницы леди Ираиды. Говорила она важно, растягивая слова и нарочито громко, чтобы я услы-

шала. – Сюда с одним пришла, а теперь с другим обжимается.

Сэр Кристиан опомнился, выпустил меня из объятий и поправил атласный шейный платок. Не ахти как поправил. Убрала ладонь виконта, разгладила складки и дружески хлопала мужчину по плечу. Черный – однозначно его цвет.

– Вы обворожительны, когда молчите.

– Взаимно, – скупое ответил сэр Ортингтон, но и того хватило, чтобы усыпать мурашками мою спину.

Прекратить! Прекратить, кому говорю? Но настырные расползались по всему телу под таинственным взглядом, мерцающим карими агатами в свете фонарей.

– Никакого стыда! – поддакнула очередная, пусть будет, леди.

Приторно улыбнулась и двинулась в сторону досужей компании.

– Добрый вечер, дамы! – обратилась громко – леди Ираида страдает избирательной глухотой. Словоохотливые рты знатных дам умолкли. Леди смотрели испуганно. Даже перья на их шляпках, казалось, дрожали. Легко быть смелой, когда шушукаешься за чужой спиной, а вот когда смотришь в глаза тому, о ком шушукаешься, смелости убавляется. – Леди Ираида! У вас, кажется, есть сын?

Дамы открыли рты, заохали, а леди Ираида пошла красными пятнами, изображая приступ глухоты.

– Думаю нанести вам визит на следующей неделе, как вы

на это смотрите? Сыночек в добром здравии? Составит нам компанию? У него отличная репутация, насколько мне известно...

Визиты вежливости отклонять не принято. Тем более, когда они инициируются публично. У леди задрожал подбородок.

– Ах, извините. Следующая неделя занята приготовлениями к свадьбе. Но, уверяю, я обязательно что-нибудь придумаю! – игриво подмигнула. У леди Ираиды дернулась губа.

Склочницы, простите, достопочтенные леди вдруг вспомнили, что их ждут дела. Спешно поднялись с лавки и хотели броситься врассыпную.

– Куда же вы?! Свежий воздух в вашем возрасте крайне полезен. Вы сидите. Отдыхайте! А мне, увы, пора, – делано всплеснула руками и неспешно побрела по вишневой аллее.

Сделал гадость – сердцу радость! А нечего так демонстративно шушукаться.

– Вы мастерски уходите от ответов! – раздался за спиной голос сэра Кристиана.

Наказание в виде его милости не оставляло. На этот раз мужчина отбрасывал тень и даже издавал звуки, но все равно застал врасплох.

– А у вас дурная привычка – подкрадываться ко мне со спины! Не советую, виконт. Могу испугаться и дать волю кулакам! Я, все же, беззащитная леди...

Мужчина приподнял бровь:

– Мне так не показалось.

– Легко быть смелой в окружении мужчин.

– Кто ваши родители, леди Джулия?

Как-то резко он меняет тему. Остановилась и с вызовом приняла внимательный взгляд.

– Почему вас так заботит моя родословная, сэр Ортингтон?

Такие как он не бегают по вечерним паркам за такими как я, просто чтобы поболтать о совместных родственниках.

– Подождите...

Усмехнулась мелькнувшей мысли. Кажется, кто-то с утра говорил, что граф собирается на покой. А из живых Ортингтонов остались только мы с виконтом.

– Вы что же, полагаете, я претендую на титул графини?!

О, с наследием и властью у них тут все любопытно. На Земле все просто. Умирает носитель титула, и он переходит к старшему сыну (при прочих равных). А на Тэйле титул можно заработать, можно продать, можно обменять, а можно передать. Более того, титул получает тот, кто возглавляет графство. Когда нынешний граф уйдет на покой, он станет виконтом. А там уже местной аристократии решать, кто следующий примет на себя бремя правления: я или сэр Кристиан. Но будем откровенны: какая из меня графиня?

– Девять из семнадцати членов совещательной думы – ваши бывшие женихи.

– Серьезно?! – я восхитилась, но быстро стерла с лица

улыбку. Даже не задумывалась об этом.

– Разумеется, они поддержат вашу кандидатуру ради преференций в будущем.

– Даже ворн лучшего мнения обо мне! Как вы могли такое подумать?

– Я не думаю о вас вовсе, – равнодушно заметил виконт. – Всего лишь анализирую риски.

– Сейчас вы очень рискуете получить пощечину! – ткнула в грудь виконта указательным пальцем и пихнула плечом, когда обходила.

– Мы не закончили! – ударило в спину.

О, излюбленный прием!

– Закончили! – помахала рукой и ударилась в невидимую стену.

Попыталась обойти справа, слева, подлезть снизу – бесполезно. Сзади настигли тихие, спокойные шаги. Они неотвратно приближались, как паук к жертве, запутавшейся в его сетях. Развернулась, чтобы встретить опасность грудью второго размера.

– Мы закончим, – его безжалостная милость нависла надо мной горой мышц и скалой раздутого самомнения, напрочь игнорируя магию второго размера, – когда я скажу.

– Иначе что?!

– Леди Джулия, как представитель закона, я имею полное право применить к вам силу.

– По какому поводу?

А потом вспомнилось, что повод не нужен. Серьезно. Граф, боевой маг, глава полицейской службы могут карать без суда, если так нужно. А «нужно» – понятие растяжимое. К тому же, кому именно нужно – в законе не уточняется.

– Кто. Ваши. Родители.

– Сэр и леди Ортингтон. Шаэл и Мелисса.

На губах – хищная усмешка, в глазах – коварный блеск. Мужчина шагнул еще ближе, почти вплотную, заставив меня прижаться спиной к невидимой стене. Он медленно поднял руку, закатал рукав. И все это рядом с моим лицом. Психологический момент – чтоб терялась в догадках и дрожала от страха. Но дитю челябинских окраин слово «страх» неведомо. Конечно, жизнь в Москве сильно меня расслабила, а опекунов Егора – и вовсе превратило в кисейную барышню, но некоторые вещи не забываются.

– Знаете, что это?

Виконт повернул запястье тыльной стороной, и я выругалась, ударившись затылком о злополучную стену.

Артефакт правды, которым так гордился Клифорд! Редкая, эксклюзивная вещь! Полгода работы, три сотни редчайших ингредиентов, уникальный сплав, неповторимый камень уникальной огранки, да и дизайн браслета красивый. Ведь говорил, что ни за что не продаст! Интересно, сколько стоит его «ни за что»?

– Вижу – знакомо. Повторю вопрос – кто ваши родители?

Сказать – не знаю? Удочерили? Так камень покраснеет.

О, боги! Так ведь слово за слово, и он раскроет меня! С таким-то упорством! Главное отделаться от виконта и навести визит Клифу. Если создал артефакт правды, сможет создать и противодействия. А до тех пор постараюсь с виконтом не общаться.

– Вы понимаете, с кем разговариваете?

– Это я и пытаюсь выяснить. Но вы не упрощаете задачу!

– Вы говорите с леди!

В голосе – укоризна, во взгляде – уверенность. Этому меня покойный виконт Ортингтон научил. Кому нечего скрывать – тот смотрит в глаза без страха. Проклятийник не дрогнул, только уголки его губ приподнялись в насмешке. Отступив на шаг, мужчина склонил голову и протянул руку:

– Прошу прощения, леди, – если бы не это ехидство в голосе...

Принять не принять?

Посмотрела на ладонь его милости, в глаза его хитрые, снова на ладонь. Ой, да в самом деле, чего это я? Осторожно коснулась пальцами ладони виконта. Даже сквозь тонкое кружево перчаток чувствуется жар.

– Вы будто огня касаетесь, – голос его милости стал значительно ниже.

Хуже! Змею ядовитую трогаю! Красную кнопку, которая запускает в ядерные ракеты, способные уничтожить мир. Но вызов принят. Осмелела. Накрыла ладонь виконта полностью. Мои пальцы тут же взяли в плен уверенным движением

ем.

Поцелуй руки леди – пережиток прошлого даже на Тэйле. На самом деле ее не целуют. И даже перчатку для этого не снимают. Собеседник, желая выразить почтение, особое расположение или просто извиниться, касается воздуха над ладонью. Если леди престарелая, ее ладонь подносят ко лбу, желая набраться от нее мудрости. Каково было мое удивление, когда виконт, мягко обняв мои пальцы, коснулся их лбом.

– Вы издеваетесь?!

Силой вырвала ладонь и царапнулась обо что-то. Перчатка порвалась, а на безымянном пальце проступила капелька крови.

– Что это было? Что вы сделали?!

Виконт развернул кольцо на своем пальце, и в свете фонарей сверкнул кончик иглы.

– Да как вы смеете!

Сэр Кристиан накрыл иглу камнем-полусферой и наблюдал. Приложила палец к губам и вытянула шею – мне же тоже любопытно, возмутиться успею потом, сейчас он все равно занят.

На белом камне светился родовой герб Ортингтонов, но через мгновение исчез, а камень стал непроницаемо черным.

– Как я и думал, – мужчина резал тишину словами. – В вас нет ни капли благородной крови Ортингтонов.

Проверила палец – все прошло, а вот перчатка испорчена,

что бессовестный манипулятор тоже заметил. Радует, наверное, маленькой пакости.

– Это вы к чему сейчас?

– Не укладывалось в голове, откуда в нашем стаде паршивая овца. Теперь все встало на свои места.

– Да вы охре... гхм, – я закашлялась, подбирая слова поострее.

– Главный ответ я получил. Остальное узнаю позднее. Доброго вечера, леди.

Последнее слово, как плевок, еще долго звучало в тишине. Зловещим, пугающим эхом. А сам сэр Кристиан вальяжно удалился.

– Да ты... да что б тебя! Гад! – сжала кулаки и топнула каблучком. – Гадский гад! Гад в кубе! Овца, видите ли! Да еще паршивая! – и тут я заметила толпу престарелых леди. Какое счастье, что они еще не разошлись. – Ну, Кристиан Ортингтон! С паршивой овцы – хоть шерсти клок!

Поправила воротничок, расправила плечи и с сияющей улыбкой подплыла к компании сплетниц. Потеснила престарелую леди Ираиду и воскликнула:

– Представляете, сэр Кристиан сделал мне предложение! Поверить не могу!

Леди Ираида с облегчением выдохнула – у нее-то сын неженатый, остальные с недоумением переглянулись.

– Родственник?

– Да дальний же, – отмахнулась я. – Пятая вода не киселе.

Да и, откровенно говоря, кто из благородных сэров не ходит налево?

Я поиграла бровями, глядя на леди Элаизу. Всем известно, что она – внебрачное дитя и титул «леди» носит из отцовской любви, а не по крови.

– И когда свадьба? – с интересом спросила третья старушка, чьего имени я не знаю.

– Чем скорее – тем лучше! Не хочу затягивать. Сами понимаете – такого видного жениха нельзя упускать. Да и Кристиану так не терпится сделать меня своей, что...

Накрыла рот ладонью и захихикала, а дамы пошли смущенным румянцем и синхронно раскрыли веера.

– Что-то я заболталась. Доброго вечера, леди! Поспешу. Столько нужно успеть! Столько успеть!

И я убежала с чувством выполненного долга. Один – один, сэр Кристиан! Утренние газеты вас порадуют.

Домашние заждались. Обычно я возвращаюсь засветло, но сегодняшний день пошел наперекор всему. Недаром Мора с утра заявила! Никак не найду способ от нее избавиться! С другой стороны, если она появилась – повод поменять планы.

Велела накрыть в кабинете, сменила дорожное платье на домашнее и, обложившись документацией, неспешно наслаждалась луковым пирогом Кэролайн.

По чему буду скучать, так это по уюту! В России как-то

не принято отводить под кабинет отдельную комнату. Да и где напасешься-то на спальню, столовую, гостиную, кабинет, библиотеку? Заходишь в большую комнату: справа – кабинет, слева – спальня, прямо – телевизор-гостиная, по центру – бальный зал.

А в Китридже каждый уважающий себя сэр и леди должны иметь несколько кабинетов. Один – личный, в котором ведется черная бухгалтерия, разрабатываются планы захвата мира, хранится личный дневник, отрубленная рука врага и все в таком духе. Второй – официальный, где принимают управляющих с отчетами, деловых партнеров, распорядителей делами, и так далее. Третий – для личных дум. Мужчины предпочитают под это дело распить бутылочку-другую чего покрепче, поэтому такой тип кабинетов еще называют салонами, и не удивляйтесь, если там вдруг окажется дама легкого нрава. Такие вот странные у мужчин бывают посиделки.

Так вот мой личный кабинет – небольшая комнатка с массивным столом из красного дерева, книжным шкафом, куда я составляю любимые истории, глобусом на ножках, который так мечтала купить на Земле, и доской для записей. Я визуал, да и просто рабочая привычка записывать предстоящие операции на доске.

Сейчас мне предстояла важная операция: раскрыть личность отправителя записки.

Работа не шла, поэтому, отложив бухгалтерские книги и сводные отчеты по кафешкам, я придвинула поднос с едой и

буравила недовольным взглядом записку.

Что мы имеем? Тайного обожателя или, напротив, ненавистника. Раньше ничего подобного не наблюдалась, возможно, этот человек прибыл в столицу недавно. Звякнула в колокольчик и попросила Самюэля раздобыть список прибывших в столицу за последний месяц. Начальник крепостной стражи – жених сорок один, всегда потакал моим просьбам.

Так, а еще это может быть один из отверженных! Закинула в рот кусочек пирога со сметаной и, отряхнув руки, подошла к доске. Барт, Хастер и Эдгар. Первый – женат, так что не в претензии. Он наивно полагал, что если снять кольцо, никто не узнает его маленький секрет. А вот солнце, оставившее белую полосу от обручального кольца, в планы Барта явно никто не посвятил. Хастер – беспросветный пьяница. И не то чтобы я слишком придирчива, но когда человек не может вспомнить собственного имени – это чересчур. К тому же, он наверняка и не помнит как делал мне предложение. Отказ не запомнит тем более.

– Эдгар, – произнесла, выводя имя докучливого жениха.

Подчеркнула тремя линиями и отложила мел. Я бы без сомнений заподозрила его, но Эдгар не попаданец. А отправитель записки – да. К тому же, сэр Иол уже давно в Китридже, года три так точно. Переехал... не помню откуда, но его род влиятельный настолько, что следующий в очереди на графское место, если род Ортингтонов неожиданно прервется.

И тут я побледнела.

Я тоже давно в Китридже. И, так сложилось, что тоже претендую на место графа. И... барабанная дробь – я попаданка!

– Вот ничего себе...

Не успела обдумать эту мысль, как ночную тишину разорвало истеричное ржание лошадей. Распахнула окно. По конюшне метались кони, престарелый конюх едва справлялся с ними, но на выручку уже спешили Самюэль и Том.

– Леди Джулия! – в кабинет ворвалась Кэролайн, запоздало постучав в уже открытую дверь.

– Что происходит? – накинула на плечи теплый домашний халат.

– Говорят, кто-то забрался! Лучше поднимитесь к себе в комнату и...

– Идем!

Достала из сейфа очередной подарок Клифорда – местный аналог электрошокера, и вышла в коридор.

– Но, леди! Это может быть опасно!

– Для глупца, который решил перепугать моих коней – точно. Не пожелаю ему встретиться с моим другом. Ну, и с Эриком заодно.

Продолговатый предмет со спусковым крючком Кэролайн не убедил, а вот упоминание имени огра – очень даже. В итоге к конюшне мы подходили уже втроем, вооружившись факелами.

– Подождите, леди! – скомандовал Эрик, оттесняя нас с Кэролайн и храбро врываясь в конюшню.

Тишина. Снова тишина. И дальше – тишина!

– Что там происходит? – испуганно спросила Кэролайн, кутаясь в шаль. Ночи в Китридже холодные, даже поздней весной.

Из конюшни, держась за сердце, вышел конюх. Мужчина в том возрасте, когда лишний стресс ни к чему. Он устроился на спокойную работу: выгребать навоз, кормить да чистить лошадей. А сейчас белый, как простыня, он посмотрел на меня, на Кэролайн и, дрожащим голосом произнес:

– Дамы... в-в-вам лучше ве-вернуться в до-дом!

– Что случилось? Кто там?

– С-сколько-ко лет живу, а та-такого никогда не ви-видел!

– Ступай в дом, выпей ромашковый чай и ложись отдыхать. Завтра у тебя выходной.

Старик кивнул и, пошатываясь, пошел в сторону дома. Мы с Кэролайн переглянулись. Идти внутрь ей не хотелось, но хозяйку без поддержки не бросит. К тому же, бояться вместе не так страшно. Порой это даже весело, но явно не в нашем случае. Больше всего пугала таинственная тишина.

Осторожно подкралась к деревянной стене и приложила ухо: только шорохи и шелест. Деревянная дверь открылась с таким облегчением, словно хотела убраться из конюшни подальше. Мы вошли внутрь. Пахло сеном и навозом – все как всегда, только половина светящихся кристаллов погасла.

Мужчины растерянно топтались в одном углу, кони испуганно жались в другом, а по центру хлопал кожаными крыльями...

– Корнел?

За спиной икнула Кэролайн.

В полутьме глаза ворна пылали алым пламенем. Заметив меня, он встал на дыбы и, запрокинув морду, издал дикий вопль. Сзади хлопнулась в обморок Кэри, мужчины кинулись ко мне, а Эрик бросился вперед и уже занес кулак для удара...

– Нет!!!

Все замерли.

Корнел важно опустил копыта на землю и, тряхнув мордой, указал взглядом на огра, чей внушительный зеленоватый кулак маячил перед его мордой.

– Эрик, не нужно. Это ворн сэра Ортингтона. Я разберусь.

– Но...

Невысказанные опасения пресекла сухим приказом:

– Оставьте нас.

Друзья не шелохнулись.

– Да право, он ничего мне не сделает! А, если и сделает, вы уж точно не убережете. Прошу, не сердите нашего гостя еще больше!

Конюшня опустела не сразу. Дольше всех ерепенился Эрик, но и его удалось вывести. Именно вывести, потому что оставлять хозяйку с чудовищем он не хотел, а за дверьми ко-

нюшни громко рыдал по моей безвременной кончине. Низкий уровень интеллекта, высокий уровень эмпатии, сильная привязанность, облаченные в двести килограмм мышц – и все мое, родное и заботливое.

Корнел держался на расстоянии, смотрел горделиво и с некоторой укоризной. Будто я ему овса задолжала и не отдаю.

– Что ты здесь делаешь, Корнел?

Вопрос звучал, конечно, нелепо. Даже в магическом мире не дожили до такого, чтобы разговаривать с животными, но нарушить тишину требовалось.

Ворн вспорол копытом слой прелого сена и фыркнул. Почесала голову:

– Мда. Так мы с тобой каши не сварим. Поступим следующим образом. Ты можешь остаться на ночь, но с одним условием! – выставила указательный палец. Ворн попытался его куснуть, но я поцокала языком. Виновато потупив взгляд, животное снова фыркнуло. – Не трогай моих лошадей и не пугай друзей.

Корнел что-то пробурчал на своем ворновском языке, явно не лестно отзываясь о моих друзьях.

– Ты всех перепугал! Как вообще ты сюда забрался?

Он поднял морду, указывая на люк в потолке. В теплое время года мы его открываем, чтобы лошади могли любоваться звездами и дышать свежим воздухом. Прежде залетные ворны к нам не попадали.

Я оценила габариты Корнела и люка. Это как нужно хотеть сюда забраться, чтобы втиснуться в такую дыру?

– Надеюсь, мы с тобой договорились?

В ответ меня облизали шершавым языком и плюхнулись на сено прямо посреди конюшни. Да, наглости этому товарищу не занимать. Увы, но мои лошади такой понятливостью не отличались. Сколько ни пыталась их убедить, что опасности нет, животные опасливо жались друг к другу и не желали отходить от стены.

На улице меня ждали бледные лица, рыдающий огр и обморочная Кэролайн.

– Самюэль – отнести Кэролайн в ее комнату, приведи в чувства. Эрик – я жива, перестань пугать соседей, подумают, что мы вызываем демонов.

Огр еще раз огласил округу пугающим ревом и обнял меня огромными руками.

– Полегче, полегче, иначе появится повод для слез, – на силу выпуталась из огра и обратилась к Тому. – С рассветом отправляйся к Кристиану Ортингтону. Передай, чтобы забрал Корнела домой. И покормите его.

– Сэра Кристиана? – рыжие брови Тома медленно поднялись.

– Да Бог с тобой, по мне пусть хоть с голода помрет! Корнела, конечно же.

Том побледнел еще сильнее и отступил на шаг.

– Он не опасен...

Теперь на шаг отступили все.

– Эх, тоже мне...

Пришлось брать дело в свои руки и щедро отсыпать нашему залетному овса. Досыта наевшись и выпив два ведра воды, ворн завалился на спину и, брыкнув ногами, предался сну.

Я последовала его примеру. Не на сене, конечно же, но с тем же успехом. На сегодня с меня хватит потрясений. Все вопросы с чудаковатым поведением ворна и таинственными записками можно решить и завтра.

Кстати, насчет завтра. Утренние газеты порадовали!

– Пресса! Свежая пресса! – прокричал Сэд, вырывая меня из сладкой дремы. – Известно имя юбилейного жениха леди Ортингтон! Свежая пресса! Вам интересно? Мне вот – очень интересно! – а это уже мне предназначалось.

Довольно потянулась и села в кровати. Непослушные кудряшки игриво рассыпались по плечам, в открытое окно дышал свежий весенний ветерок и приносил звонкий голос Сэда.

– Мне очень-очень интересно! – не сдавался он, и пришлось подниматься.

В каждом доме на Тэйле заведен особый порядок. Домашние знают, когда я встаю (и меня будят вовсе не петухи или звонок будильника, а Сэд с утренними новостями), сколько трачу на умывание, одевание. Какие цвета в одежде предпо-

читаю, что люблю на завтрак по понедельникам, вторникам или выходным. Поэтому, когда я спускаюсь по ступенькам, в столовой уже суетится Кэролайн. В чашку течет горячий ароматный кофе, на столе дымится еда. Сегодня это блинчики с абрикосовым джемом. Самюэль открыл двери за мгновение до того, как я постучала.

– Доброе утро, – поздоровался он, протягивая утреннюю корреспонденцию на серебряном подносе.

– Многовато сегодня, – устроилась за столиком как раз когда вошел Сэдрик.

– Руки вымыл! – похвастался он, смущенно проходя к столу. – И спасибо вам, леди Джулия...

Мальчик бережно погладил новую рубашу, подтянул штаны.

– Великоваты?

– Совсем чуть-чуть! Но я быстро расту! Вот, мама просила вам передать...

На стол легли монеты, завернутые в грязный платочек.

– Сэд, – голос дрогнул. Сморгнула подступающие слезы. Никогда не голодала. Ни на Земле, ни тем более на Тэйле, где вообще как сыр в масле живу. Возможно, поэтому чужая боль вонзается в мое сердце острым ножом несправедливости. – Будь любезен, не оскорбляй меня. Убери это.

– Леди, мы не заслуживаем такой доброты. Кто вы, а кто мы.

– И кто же я? – спросила, указывая на стул. Кэролайн по-

дала мальчишке блинчики и налила горячего какао.

– Леди! Важная, знатная, богатая.

– Сэд! – перебила стройный ряд прилагательных. Пустых и безликих. – Я – всего лишь человек. Отними шелковое платье, вынь рубины из ушей, и ты не отличишь меня от миллионов других. Во мне, в тебе, в твоей матери – бьется одинаковое сердце. Это обычный орган, сгусток мышц, качающих кровь. Кровь, к слову, тоже одинаковая, за ненужными тебе особенностями. По большому счету, все мы – дюжина органов в кожаном мешке. Кому-то в жизни повезло, а кому-то не очень. Единственное, что нас отличает – это душа. То, что скрыто. Так к чему это я, – улыбнулась, подвигая тарелку с блинчиками и щедро сдабривая их сметаной. – Моя душа считает, что нашему миру не хватает справедливости. Я зарабатываю столько, сколько не могу потратить. Так почему ты отказываешь мне в удовольствии почувствовать свою значимость?

Мальчик поднял брови и почесал затылок.

– Хочешь меня обидеть? Или я не достойна дарить вам подарки?

Такого поворота Сэд не ожидал. Он покосился на завернутые в платочек монеты и неохотно забрал их.

– Я...

– Скажи, ты рад обновкам?

Лицо мальчишки преобразилось. Улыбка всех делает красивой. Через улыбку мы видим человеческую душу, и она у

Сэда чистая, настоящая, прекрасная!

– Так позволь мне тоже порадоваться! Убери монеты, и я расскажу тебе что-то любопытное!

Сэд трескал за обе щеки и задорно хохотал, когда я пересказывала события вчерашнего вечера. Конечно, с известными упущениями, но ему и того хватило. Мальчишке Эдгар тоже не нравился, а вот ворна он очень хотел посмотреть, и я обещала, что мы вместе проводим его, когда приедет конюх сэра Ортингтона. Каково было мое удивление, когда в столовую вошел Том и, извинившись, доложил:

– Леди Джулия! Вы велели с утра передать его милости забрать ворна.

– Велела, – улыбнулась, откладывая очередное письмо с приглашением на обед.

– Так вот, просили дословно передать: «он дома»!

Том даже интонацию сохранил. Попытался, во всяком случае.

– Он издевается? Пусть немедленно заберет Корнела! Я не умею ухаживать за ворнами, к тому же, он перепугал моих лошадей и конюха.

– Так и передать? – переспросил Том, едва слышно повторяя сказанное мной.

– Передай, чтобы забрал немедленно.

– Немедленно. Хорошо. Сделаю!

Когда двери за Томом закрылись, я обратилась к Сэду.

– Ты в курсе местных сплетней и новостей. Кажется,

сэр Ортингтон решил объявить мне войну. Я должна знать все о противнике!

Парнишка загадочно улыбнулся и, склонившись ближе, произнес:

– О, леди Джулия! Мне есть, что вам рассказать!

Ну, это Сэд, в силу своей наивности думал, что есть. Оказалось, сэр Кристиан – мужчина безупречной репутации. В нежелательных связях замечен не был ни во время счастливого брака, ни после него. В желательных, к слову, тоже не участвовал. Вообще, по дамам не ходок, что довольно странно для мужчины такой наружности и положения. Впрочем, его характер лучше дихлофоса отпугнет любую влюбленную леди. Нужно сильно отчаяться, чтобы попытать счастье с таким как виконт.

Ведет активную политику против попаданцев – в силу личной вендетты. Его семью убили выходцы из моего мира. Всех нашел, всех наказал, и при этом наказалка не дрогнула, а сам он медаль от короля получил за усмирение разбойников.

Лучший проклятийник, лучший боевой маг, бесконечная плеяда заслуг перед королем и отечеством, собственные деревни, да-да, тоже лучшие по всем экономическим, и даже демографическим (тут уж без участия виконта) показателям. Завидный жених, и наследник графского кресла – в довесок.

Сэд искренне недоумевал, когда к концу его монолога я

сидела с миной кислее лимона.

– Я могу еще что-нибудь вспомнить, – растерянно предложил парнишка, но я остановила его жестом.

– Да как-то хватит. Ты бы лучше что-нибудь этакое рассказал. Сплетни, интриги, расследования, – попросила вкрадчиво, пародируя Нагиева.

– А! Ну есть же. Поговаривают, леди Лидия строит на него планы.

– А он в курсе? – спросила через вздох. Сэд пожал плечами. То-то и оно. Я, может, тоже строю планы, только планы от моего строительства не в восторге. – Может, навещает-ся в кабаки? Неприличные места?

– Допоздна засиживается! – Сэд ухватился за мысль и поиграл бровями. – Слышал от леди Бернедетт, что виконт ночи напролет пропадает в кабинете. С кем это, интересно?

– С сарсонским манускриптом, – едва ли не взывала. – Фантазии леди Бернедетт можно только позавидовать. Виконт и пары дней в столице не пробыл. Ладно, Сэд. Услышишь что-нибудь интересное – поделись.

Глотнула кофе и придвинула обратно поднос с корреспонденцией. Вскрыла канцелярским ножичком плотный конверт с вензелями – графская канцелярия. Бла, бла, бла, через три дня прием в честь возвращения графского сына сэра Кристиана, бла, бла, просим обеспечить прием изысканными десертами, бла, бла, бла.

– Обеспечим, конечно, – улыбнулась, откладывая письмо

в правую кучку. Там те, на которые планирую ответить. – Сэд, сообщи маме, что через три дня мне понадобится ее помощь на приеме в честь возвращения виконта Ортингтона.

Самюэль, по привычке стоявший мраморным изваянием в ожидании распоряжений, громко кашлянул.

– И твоя, помощь, Сэд, тоже.

Дворецкий кашлянул еще раз.

– Вы уверены, леди? – робко переспросил парнишка.

Третье покашливание сработало.

– Вы хотите что-то сказать, Самюэль?

– Вы уверены, что брать жену изменника для работы на приеме в резиденции графа – хорошая идея? Поймите правильно, Мэри хорошая женщина, но вы можете пострадать!

– Это с чего вдруг?

– Да и списки работников вряд ли утвердят, если увидят ее имя.

– Поэтому не увидят, – игриво подмигнула Самюэлю. – Не переживайте, мальчики! В худшем случае – меня пожурят. В лучшем – и вовсе никто не узнает.

Следующие три письма – реклама. Оказалось, рассылкой макулатуры грешат не только земные продавцы. На Тэйле с этим не лучше. Ситуация одинаковая, с одной только разницей: кнопку «спам» здесь заменяет мусорная корзина. Но у письменного мусора есть одна незаменимая черта – из него можно сделать самолетик. Сэд обожает эту забаву! Парнишка запустил самолет из окошка и, попрощавшись, побежал

за игрушкой.

– Газеты не забудь, – кинула вдогонку.

Как же я люблю дом, полный жизни, смеха и... недовольных физиономий. Самюэль и Кэролайн перешли на окопную войну. Жесткая перестрелка взглядами грозила вылиться в открытое противостояние, но спасла грязная посуда на столе. Вот на ней Кэролайн и отвела душу.

– Леди! – в столовую, запыхавшись, ворвался Том. – Все передал, леди!

Быстрые ноги у этого сорванца! А ведь я разрешаю слугам брать кэб.

– Сэр Кристиан изволили ответить: «Считайте это свадебным подарком»!

– Том, что за тон?!

– Оригинальный, – парнишка виновато потупил взгляд.

– Хамло подзаборное, а не виконт! – фыркнула в ответ. И, прежде, чем успела что-то сказать, услышала исполнительное «понял» и топот удаляющихся ног. Перевела испуганный взгляд на Кэролайн.

– У этого парнишки быстрые ноги, но медленный ум, – снисходительно улыбнулась она, а я взвыла, догадываясь о последствиях, кои не заставили себя долго ждать.

Очередное послание «взбалмошная пустышка» мне передали с заколдованным блокнотом: «Впредь, желая сообщить мне что-то, имейте смелость сделать это без посредников».

Имела я эту смелость!

Да он... да как... да чтоб тебя... что б тебя Эшерихия коли колонизировала со всеми вытекающими последствиями! А они очень зловонно и болезненно вытекают эти последствия! Отвела душу на заковыристом ругательстве и как-то полегчало. Хотела написать об этом виконту, и тут полегчало вдвойне: он не поймет и половины сказанного мною – слишком невежественен!

Волшебное перо ожило и вывело очередное послание от виконта:

«Проклинать меня тоже не советую. Во-первых, вы крайне неумело это делаете. Во-вторых, вернется же...».

Ну, знаете!

«Значит, вы не намерены забирать ворна?» – написала в ответ.

Что за хозяин? У него скотина сбежала, мало того, что редкая и породистая, так еще и опасная, а он и в ус не дует. Конечно, сложно дуть, когда нет усов, но все же должна быть какая-то ответственность!

«Уверен, вы справитесь. Не отвлекайте меня по пустякам».

Гневно швырнула блокнот на стол и шумно вдохнула. Этот наглец выводит из себя даже на расстоянии! Надеется свести меня с ума? Или ждет, что прибегу умолять забрать Корнела?

– Самюэль, найди все книги о ворнах и отнеси конюху. Я даже не представляю, чем его кормить!

– За утро съел три мешка овса, леди, – невозможно доложил дворецкий.

– Три мешка?! Ему же плохо станет! Им вообще можно овес?

– Не представляю, но скотина выглядит голодной.

– Так исправь это! Идите, поимейте представление!

Пересела за секретер – утро перестало быть томным. Кристиан Ортингтон умудрился испортить мой день с рассветными лучами. Ну, ничего, это вы, сэр, будете умолять вернуть вам Корнела, да только поздно будет.

Написала Эрнандо – графскому конюху, жениху номер три. Ответила на приглашение снабдить графский прием десертами и открыла последнее письмо. Простой белый конверт полетел на пол, куда-то туда же ухнуло сердце: «Разорви помолвку или пожалеешь»!

Записка выпала из дрожащих рук. Тот же почерк!

Мужчина. Попаданец. Не маг.

Если это не Эдгар, то я – королева Великобритании. Только ему настолько не дает покоя моя личная жизнь! И есть один способ выяснить, его ли это рук дело – наведаться в логово врага.

Враг обитал преимущественно в центральной ювелирной лавке. Как и я, сэр Иол жил и работал в одном месте. В принципе, в Китридже так принято. На первом этаже – семейное предприятие, на втором и выше – жилые комнаты. Удобно, практично, но несколько шумно.

Я хотела отправиться верхом на своем коне, но Корнел исхитрился выбраться из конюшни через люк в потолке, догнать нас на полпути и покусать бедного Барина за круп. Пришлось возвращаться и проводить воспитательную беседу.

– Корнел, ты понимаешь, что так нельзя?

Тот виновато опустил морду и водил копытом по земле.

Конюх увел дрожащего Барина в стойло. Досталось ему не сильно, но хватило, чтобы обходить Корнела пятой дорогой.

– Ты будешь обижать других коней?

Ворн поднял морду и посмотрел на меня с надеждой.

– Не строй мне наглые глазки! Будешь или нет, говорю?

Фыркнул, и нехотя помотал мордой.

– Горе ты мое луковое, – потрепала ворна по бархатной щеке. – И что мне с тобой делать?

Оживившись, животное уперлось влажным носом в мое плечо и кивнуло на свою спину.

– Оседлать тебя?

От моего предложения ворн радостно заржал и замолотил ногами воздух.

Вот только седлать себя ворн не позволил ни мне, ни конюху, ни даже Эрику. С последним они друг друга особенно невзлюбили. Огр пытался убедить, что от Корнела надо избавиться, а Корнел вклинивался между мной и огром, то ли защищая меня, то ли заявляя права. В итоге пришлось переодеться в свободное дорожное платье и ехать верхом без

седла.

Не скажу, что я шикарная наездница, но это оказалось куда проще, чем я думала. Корнел низко наклонился, позволяя забраться на его спину, дал примериться к манере ходьбы и позволил держаться за гриву. Сначала было страшно – особенно Кэролайн, она побледнела и махала мне вслед белым платочком, не уходила, пока мы не скрылись за поворотом. Потом стало поспокойней, а когда мы проехали аллею, я и вовсе приноровилась и начала получать удовольствие.

Впрочем, оно быстро закончилось, ведь впереди показалась «Искристая лавка». Так Эдгар называл сеть своих ювелирных мастерских. В таланте ювелира ему не откажешь, а вот как человек он так себе.

Хотела привязать Корнела к коновязи неподалеку, но чем?

– Оставайся здесь, хорошо? Выпей водички, сена поешь...
Ворн кивнул и... поплелся за мной.

– Корнел, я серьезно! Подожди здесь. Схожу, быстренько сделаю дела и вернусь. Договорились?

Ворн снова кивнул и... нехотя остался ждать.

– Хороший мальчик, – подмигнула и скрылась за поворотом.

Хороший мальчик лукаво выглянул, но заметив мой строгий взгляд, спрятался обратно. Кажется, я влюбилась без памяти!

Особого плана у меня не было. Спрашивать Эдгара в лоб,

он ли писал записки – дурная затея. Но мне доподлинно известно, что он сам ведет журналы учета. Хвастался, что у него цифра к цифре и это его заслуга. Если бы удалось каким-то образом эти журналы посмотреть... Одним глазком...

Звякнула музыка ветра, приветствуя клиента. Продавщица, молодая симпатичная девушка, подскочила со стула, вытянулась по струнке и расплылась в улыбке.

– Доброе утро, леди Ортингтон! Как ваше здоровье?

Вот тоже странность Китриджа. Все спрашивают о здоровье, что не удивительно, при их уровне смертности, где даже чих может привести к инвалидности, а надсадный кашель – к перелому ребра.

– Вашими молитвами, дорогая, – так принято отвечать на любезность, даже если ты одной ногой в могиле, а молятся о тебе за упокой.

В заведении Эдгара душно, слишком ярко и тесно. Пахнет бергамотом и сандалом, как в египетской лавке эфирных масел. Помещение большое, но плотно забито прилавками, тумбами и демонстрационными стендами. Все вокруг сверкает, искрится, переливается. Через пару минут у меня зарябило в глазах. От благовоний – засвербело в носу, от музыки – разболелась голова.

– С удовольствием вам помогу! – с хваткой менеджера М-видео прицепилась продавщица.

Надо отдать должное, Эдгар своих работников намуштро-

вал. Вообще, Китридж живет особой жизнью даже в рамках Тэйлы. Здесь не принято навязывать услуги, а реклама ограничивается почтовой рассылкой, с обязательными извинениями в виде скидочных купонов – не принято народ тревожить. Что греха таить – работает! Даже имея серьезные доходы, я не могу отделаться от мещанских привычек и пройти мимо скидки. С той только разницей, что на Земле приходилось ждать акции на одежду или что-нибудь вкусненькое, а здесь мне ни жить, ни быть нужна самоочищающаяся зубная щетка или туалетный ершик с эргономичной ручкой. Подумывала даже о золотом унитазе – в подарок ершик с драгоценными камнями обещают, да только куда мне девятый ершик-то?

Маркетинг – он такой маркетинг! Особенно, когда у тебя есть деньги...

Так вот, зайти в любую лавку в нашем или соседнем графстве – встретишь добродушное приветствие и... все. Никаких тебе взглядов в спину, никаких различных шепотков «купи, купи, купи!», никто не ходит по пятам и даже особо не заботится – умыкнул ты что-нибудь или нет. Большинство лавочек оборудованы артефактами. Что-то вроде наших магазинных пищалок, только работают без сбоя. Клиф гордится своей техномагией, она сделала ему состояние и принесла известность.

– Вы желаете кольца? Серьги? Быть может, посмотрим парюры? Конечно, ваша красота – лучшее украшение, но даже

ее можно подчеркнуть...

Бла бла бла, цыганки центрального рынка не выдержали бы конкуренции. Пока продавщица рассыпалась в комплиментах и выставляла на столик всевозможные украшения, я шарила взглядом везде, где могла дотянуться. За прилавком – рабочий стол с выдвижными шкафчиками. На нем бумаги, письма, свитки. Взгляд упал на большую книгу в кожаном переплете – «Журнал учета».

– Сэр Иол дома? – перебила самозабвенно щебечущую девицу. Как глухарь, она по инерции продолжила.

– Рубины, несомненно. Подчеркнут цвет вашей кожи и глаз!

Я кашлянула и подняла бровь.

– То есть... Я хотела сказать изумруды!

Ну да. Изящно подчеркнут мою кожу трупного оттенка.

– Эм, – она дрожащими руками составила подставки с украшениями обратно на прилавок, спешно проговаривая: – Да, леди. Изволит завтракать. Желаете, чтобы я сообщила о вашем приходе?

Да боже упаси!

– Да, – ответила с натянутой улыбкой.

– Вы же... вы же не будете жаловаться? Я про цвет глаз как-то не подумав...

– Я вас даже не слушала, – созналась честно и девушка с облегчением выдохнула.

– Одну минутку!

Она с прытью газели скрылась за стеклянными дверьми. Я даже не успела попросить ее не торопиться.

Что ж. У меня минуты три – не больше. Если сэр Иол изволит завтракать в трусах, он явится прямо в них, дожевывая на ходу.

Перевернула табличку на дверях на «закрыто» и бросилась за прилавок. Книга учета заполнена одним почерком, но принадлежит ли он Иолу – неизвестно. Может, этот журнал ведет его матушка или вовсе продавщица?

Сверила почерк с запиской – не сошелся. Бегло проглядела корреспонденцию, какие-то записи – ничего и близко подходящего. Значит, нужные книги либо в его кабинете, либо в столе.

Один из ящичков стола не поддался – заперто. Возможно, здесь!

В стиле Сидни Бристоу из моего любимого сериала «Шпионка» (которого так не хватает на Тэйле!), вытащила из прически ювелирную шпильку и сунула в замочную скважину. Шерудила, шерудила, под тем углом, под этим – ни в какую. И почему в фильмах они так умеючи проворачивают такие дела? На взлом замка шпилькой в фильме уходит секунд пять от силы. Вместе с философской болтовней за жизнь.

Едкий смех Моры, возникшей на столе, заставил вздрогнуть. Шпилька упала на пол и закатилась под стол. Сама того не желая, вредная богиня сослужила мне отличную службу! Как раз поползла за украшением, когда раздалось:

– Леди Джулия?

Твою ж!

Я замерла. Поза, скажем прямо, не очень достойная. Я стояла на четвереньках, вульгарно оттопырив третий холм и засунув руку под письменный стол. Сердце от страха и смущения пустилось в тахикардию!

Эдгар в меня влюблен, но хоть какое-то объяснение найти все равно придется. Подцепив шпильку, потянула на себя и поднялась.

– Одну минутку, – ответила степенно, расправляя складки на подоле и смахивая пыль с рукавов. Уборкой под столом здесь никто себя не обременяет.

– Что вы здесь делаете?

– Пришла навестить вас, – слащаво улыбнулась.

– Я имею в виду, что вы делаете за прилавком? – еще не хватало демонстративного расстегивания ремня. Но вот незадача. Как я и полагала – сэр Иол прибежал, едва накинув на плечи халат. В треугольнике выреза на груди виднелись густые волосы, а на подбородке – крошки от недоеденного завтрака.

– Шпилька! – продемонстрировала оружие преступления. – Поправляла прическу, а она – юрк на прилавок, а дальше... Подождите! – осеклась, подкалывая прядку этой самой шпилькой. – Вы меня в чем-то подозреваете?!

Мой негодующий тон резко осадил Эдгара. Он бросил встревоженный взгляд на стол за моей спиной, на возмущен-

ную меня, снова на стол и улыбнулся:

– Нет, что вы, что вы... Мы не очень хорошо расстались вчера, не надеялся, что вы пожелаете встретиться.

А теперь я сама воскресила надежды. Особенно Эдгар младший надеется, оттопыривая черный шелк хозяйского халата. Брезгливо проскочила мимо сэра Иола и направилась к выходу. Что ж, отрицательный результат – тоже результат. Хотя бы попыталась.

– Леди Джулия! – раздался вдогонку обиженный возглас. Прямо как ребенок, которому сказали, что не купят мороженку. – О чем вы хотели поговорить со мной?

– Поговорить? – остановилась возле двери и... эврика!

Мне пришла гениальная идея, как убить сразу четырех зайцев: усыпить бдительность Эдгара и окончательно убить его надежды, получить образец его почерка и отомстить сэру Кристиану за Корнела. То есть, я очень за него благодарна, но это настоящее свинство бросать такого зверя на попечение женщины, которая не умеет за ним ухаживать. Научусь, конечно, но...

Ой, все! Месть и точка. Заслужил.

– Сэр Иол, – проговорила с обворожительной улыбкой, возвращаясь к прилавку. – Как вы знаете, граф отходит от дел. Его место займет мой будущий муж...

Эдгар усмехнулся и отвел взгляд. Это по какому поводу? Что Кристиан станет графом или моим мужем?

– Так вот, – продолжила с нажимом. – Мой обожаемый

Кристиан желает, чтобы на приеме в честь его возвращения я сияла. Да, между нами есть некоторое недопонимание, но вы лучший в своем деле.

Эдгар довольно крикнул и отер подбородок, заодно стряхнув с него крошки. Забавно смотреть, как важничает сэр, одетый в халат на трусы.

– Ваша мастерская лучшая в Китридже.

– На Тэйле.

– Что?

– Лучшая на Тэйле.

Да хоть во вселенной, ты главное ведись на мои речи.

– Разумеется, – ласково улыбнулась. – Вы справитесь с заказом за три дня?

– Срок, конечно, небольшой... – разом сдулся сэр Иол. – А что именно требуется?

– Корона! Щедро сдобренная самыми дорогими камнями, которые только есть в ваших запасах. Еще серьги, кольцо по-массивней, разумеется, заколки, кольца, браслеты... штуки три, – добавила спешно. У сэра совершенно не по-сэрски оттянулась нижняя челюсть.

– И все это вы наденете на прием?

– Нет, конечно! Но, раз уж Кристиан платит, не грех немного злоупотребить его любовью, разве не так?

Я довольно улыбнулась, представив себе, в какое бешенство придет сэр Ортингтон, получив чек на очень-очень квадратную сумму! Я бы даже сказала пяти, нет, шестиуголь-

ную, ведь мне еще хочется украсить драгоценными камнями туалетный ершик. Тот, который восьмой по счету. Сэру Кристиану его подарю в благодарность за ворна.

Ближайшие пятнадцать минут мы потратили на список украшений. Эдгар тщательно выводил слова, а я украдкой сличала буквы с теми, что в записке. Каково было мое разочарование, когда они не совпали. Настолько не совпали, словно нарочно писались иначе! На записке почерк с наклоном вправо, небрежный, грубый, а Эдгар наклоняет буквы влево, старательно выводит. Они у него холеные, пухлые, с вензелями, прямо как он сам. Не в смысле пухлый и с вензелями, а холеный и напыщенный.

– Хорошо. Теперь подумаем над дизайном?

Что-то подсказывало – дело затянется.

– Сэр Иол, я полностью доверяю вашему вку...

– Леди Джулия!

Двери лавки распахнулись и на пороге застыла женщина: высокая, подтянутая, моложавая. На возраст намекали седые локоны, забранные в изящную высокую прическу, и искусная трость, украшенная россыпью самоцветов от затейливо изогнутой головки до низу.

Взгляд серых глаз показался знакомым.

– Я леди Иол, мать Эдгара. Здравствуй, сын, – мимоходом заметила она, степенно приближаясь ко мне. Как неминуемый конец. Как сердечный приступ. Как стеноз артерий... Поток аналогий становился тем ужасней, чем ближе надви-

галась Эдгарова мать. С виду вся такая благожелательная, но вокруг нее будто черти пляшут.

Женщина остановилась и протянула ладонь, затянутую в ажурную перчатку изумрудного цвета под стать платью. Вежливо коснулась ладони лбом и склонила голову.

– Приятно познакомиться.

Так же приятно, как лечить зубы без анестезии.

– Прошу, уважьте старуху, выпейте со мной чашечку чая, – она говорила медленно, манерно, растягивая слова.

Что, простите? Чашечку яда?

– Мальчишки меня совсем задурили. Я истосковалась по интересному обществу. Не отказывайте, леди Джулия!

А в Китридже не принято отказываться. Можно дату сменить, но приходить сюда вновь у меня нет желания.

– Конечно, леди. С превеликим удовольствием.

Красиво врать – тоже искусство. С превеликим удовольствием я бы опрокинула чашечку горячего чая на колени сэра Иола, чей халат по-прежнему вульгарно оттопыривался, чтоб поменьше мать дурил и чтоб она не тосковала.

Чай подали прямо в зале, в зону ожидания – я отказалась идти в дом, оправдавшись спешкой. Пока сэр Иол старательно выдумывал дизайн ненужных мне украшений, леди Иол утомляла расспросами. Ее интерес пугал даже больше интереса Эдгара. Тот хотя бы в мужья набивался! Впервые вижу, чтобы упорно набивались в свекрови.

– Вы знаете, – манерно начала леди Иол, удерживая фар-

форовую чашку, оттопырив мизинец. – Эдгар с детства привык добиваться цели. Если уж он что-то решил, то не отступит.

Она говорила с гордостью, приподняв острый подбородок, и поглядывая на сына.

– Вряд ли слепую упертость можно считать достоинством.

Звякнула чашка о блюде. Дрогнули крылья худого носа леди Иол. Эдгар тревожно вскинул голову.

– А вы прямолинейны, – выдохнула женщина, вернув самообладание.

– Виновата, – отставила кружку и хотела подняться, но леди добродушно улыбнулась и придержала меня.

– Не обижайтесь, леди Ортингтон. Когда вы станете матерью, поймете мои чувства. Вы правы. Порой Эдгар чрезмерно настойчив, но в этой жизни настойчивость имеет большое значение, не так ли?

Неприкрытая реклама Эдгара давала обратный эффект. Если его мать пробежится по столице с плакатом сына – не удивлюсь. Она ему и памятник поставит при случае.

– Ваше лицо кажется мне знакомым, – раз уж не получается сменить местность, сменю хотя бы тему.

– Мы виделись, но не успели познакомиться. Я часто разъезжаю и дома бываю редко. Сейчас тот счастливый случай, что свел нас вместе!

Счастливый? Мора гаденько посмеивалась под столом, досыта испивая мое раздражение. Я планировала заехать к

Клиффорду и навестаться к Эрнандо – поговорить насчет ворна, но мои планы рушились цепкой хваткой Эдгаровой матери. Это у них семейная черта.

Звякнул колокольчик на дверях. Вошел Фэйтон – родной брат Эдгара. Для полной идиллии не хватало только отца. Святого отца, ибо батюшка братьев почил в бозе.

Высокий, мускулистый, он служит в армии. Сходство с братом, определенно, есть, но Фэй спокойный, замкнутый и потому более приятный в общении. И он не хочет на мне жениться! Поприветствовав всех, мужчина перехватил тяжелый чемодан и обратился к матери:

– Я бы хотел обсудить с вами важное дело, матушка.

– Достал? – леди Иол изогнула бровь, глядя на чемодан. – Все, как я просила?

– Все здесь, – он бросил на меня встревоженный взгляд.

Что за тайны Мадридского двора?

– Сын меня балует, – пояснила женщина. – Достает всякие безделицы, какие пожелаю. На прошлой неделе мне захотелось нефритовый стержень богини прелюбодеяний...

Я подавилась чаем. Закашлялась и пропустила момент, когда сэр Фэйтон нас покинул. Зачем бабуле самотык, я даже знать не хочу! Странноватая компания семейства Иолов пугает больше старческого маразма и болезни Альцгеймера.

– Леди Иол, мне было приятно... – я приподнялась, но женщина похлопала меня по коленке, заставляя сесть обратно.

– Куда ты спешишь, голубушка? Доживешь до моих лет и поймешь – в жизни нужно наслаждаться каждым мигом!

Именно поэтому я хочу, наконец, уйти!

Уныло улыбнулась и глотнула остывшего чая. На мое счастье, за дверьми показалась морда Корнела.

– За мной пришли! – воскликнула радостно и отставила чашку.

Леди Иол обернулась и упустила возможность усадить меня обратно в кресло.

Ворн, ловко приоткрыл двери и просунул в лавку свою морду, намекая, что я засиделась и попа хочет приключений. Его попа, моя уже наприключалась!

Сэр Иол шарахнулся при виде знакомого зверя, леди Иол напряглась.

– Прошу прощения. Это мой.

– А «это» не может подождать на улице? – судорожно сглотнула леди Иол.

– Никак не может! – приложила руку к сердцу, усердно откланиваясь и ретируясь к выходу. – Эдгар, я в вас верю и согласна на все, что вы можете предложить!

Он просиял и уже открыл было рот, но я вовремя поправила:

– В рамках заказа! Исключительно в рамках заказа! Ни в чем себе не отказывайте, в бюджете вы не ограничены. Отпустите внутреннего творца на волю!

– Но, леди Джулия, вы еще не попробовали пирожные с

маковым кремом... – спохватилась недосвекровь, но Корнел, золото мое, ввалился в лавку и, аккуратно подцепив зубами подол платья, потащил меня к выходу.

– Уверена, пирожные восхитительны, но у меня аллергия на ма-ак... – закончила уже за дверьми.

Оказавшись на свободе, подхватила юбки, и мы с Корнелом позорно бросились в бега! С четы Иолов станется пуститься вдогонку. Только добравшись до соседнего квартала, я почувствовала себя в безопасности. Осмотрелась и с облегчением вздохнула.

– Корнел, спасибо! Ты спас мою психику, – благодарно обняла морду ворна. – Видел леди Иол?

Его заметно тряхнуло.

– Ты замечательный друг! Твой хозяин еще пожалеет, что так с тобой поступил.

Вот прямо сейчас пожалеет!

Достала из сумочки блокнот виконта (да по чистой случайности с собой взяла) и написала:

«Знаете, я передумала. Не видать вам Корнела, как своих ушей!»

«Видел сегодня в зеркале. Я просил меня не отвлекать».

– Ты это видел?! – показала Корнелу хамский ответ. Ворн неодобрительно фыркнул, чем заслужил поцелуй в щеку. – Знаешь, мне кажется, из нас выйдет отличная команда!

Когда леди Джулия изволила кататься верхом на Барине, в нее тыкали пальцами и вслед осуждающе кивали головой. Но

когда леди Джулия изволила вальяжно прогуляться верхом на ворне, народ шарахался в стороны и заворуженно подглядывал украдкой. Все как на Земле. Лада и Мерседес, конь и ворн.

В итоге, успела везде. Клиффорд поделился, как обойти артефакт правды. До смешного просто: ромашковый чай. Он подавляет какие-то волны определенной длины и действует полчаса. Усомнилась, но Клиф еще ни разу не подвел. Приятный бонус – почти готов аппарат для переливания крови. Последние детали доставят завтра, и к графскому приему я получу долгожданный артефакт!

Эрнандо, графский конюх жених номер три, мое письмо получил и даже подготовил брошюру по уходу за ворнами. Кому как, но триста страниц многовато для «Краткого руководства по уходу за ворнами». Устройство ворна – сложней компьютера, а уход за ним дороже, чем за Ферарри. Но, как говорится, дареному коню в зубы не смотрят. Только под хвост заглядывают – убедиться, что правда конь.

Корнел знал Эрнандо. Позволил накормить себя фиалками (о, боги!), напоить колодезной водой (обязательно ледяной!), и даже расчесать серебряной чесалкой. От овса ворнов пучит (уже имела удовольствие оценить сей эффект во всей красе), от обычной воды – слабит, от простых чесалок разводятся магические блохи.

Мы уже прощались, когда раздалось заговорщическое:
– Пс-ст... Пс-ст!

Ворн дернулся, нервно фыркнул. Эрнандо погладил его по шее, успокаивая.

– Опять ты?! – прошипела сквозь зубы, обнаружив Мору. Невидимая плутовка зависла в воздухе и хлопала крыльями. – Неужели во всем Китридже нет больших неудачников?

– Что? – конюх подумал, я ему.

– Повезло, говорю, с ворном! Такой подарок, что не верится!

Эрнандо, красавец, кстати, чем-то на Иглесиаса похож, погладил ворна по бархатной шее и удивил:

– Корнел спас жизнь сэру Кристиану. Сколько себя помню, они никогда не расставались. Я еще мальчишкой был – отцу помогал, когда в конюшне появился этот красавец. Должно быть, он вас сильно любит.

– Это взаимно, – потрепала ворна по гриве.

– Леди Джулия. Со мной не получилось, но я надеюсь, что с ним выйдет, – тепло пожелал конюх.

– С ворном?!

– С виконтом.

Так, кажется, мы о разных вещах.

– Пс-ст, болтушка! Мужика своего удержи. Сегодня я поиграю с другими.

Мора растворилась прежде, чем я успела спросить: какого мужика? Но вопрос отпал, когда из-за деревьев вышел сэр Кристиан. Погруженный в раздумья, он направлялся в хозяйственный пристрой замка. Пф. Вот еще, сдался он мне.

Хотела запрыгнуть на ворна, но что-то остановило. Мора никогда не предупреждала о несчастье. Оно случится либо у меня, либо у кого-то еще.

Ох, дурацкая клятва Гиппократа.

– Сэр Кристиан! – крикнула во все горло.

Повернулись все, кроме виконта. Что за остопоп?!

Схватила с земли камень и швырнула, попав akurat между лопаток. Он безошибочно определил стрелка. Хотя, это было несложно – остальные, хоть и не виноваты, подобно сусликам юркнули кто куда: леди Игида – под лавку, она туда карабкалась еще при моем появлении, садовники плюхнулись в кусты, даже Энтони опасливо спрятался за ворна, сделав вид, что массирует его круп.

Карие глаза обожгли призрением и... Виконт продолжил путь. Издевается что ли?

– Дорогой!

Никакой реакции.

Все. Иду на крайние меры! Завопила, пародируя истерику:

– Любовь моя-а!!!

Мужчина резко затормозил – будто врезался в стену. Эрнандо задумчиво почесал затылок и решил, что лучше скроется в конюшне. Обычно я себя так не веду, но слова Моры озадачили. Лучше перебдеть, чем недобдеть.

«Любовь моя» двинулся ко мне разрушительным ураганом: под ботинками сэра Кристиана хрустел гравий, над го-

ловой – сгущались грозовые облака, из ноздрей – шел дым. С последним я, конечно, перегнула, но воображение рисовало ту еще картину.

А хуже всего – сама позвала. Если спросит «зачем», что я ему скажу? Мора предупредила? Так ведь местное сообщество считает богов аналогом земного Дед Мороза. В них можно верить, но, если кто-то видел или даже разговаривал, это, пожалуйста, к душевному доктору за коктейлем из барбитуратов. А еще пописать в баночку.

Я сжалась в комочек и миленько улыбнулась, когда виконт сгреб меня в охапку и вжал в стену конюшни. Пришлось поднять голову, чтобы проникнуться его многообещающим взглядом. Обещал он много, но все какое-то нехорошее!

– Вы что себе позволяете?! – он говорил спокойно, но грудь яростно вздымалась, каждым вдохом сильнее прижимая меня к стене.

– Поздороваться хотела, – невинно протянула в ответ.

У виконта не нашлось слов. Буквально. Он смотрел на меня, упираясь ладонями в стену, и молчал. А я улыбалась в ответ – очень миленько и искренне. В такой позе нас и застал Эрнандо. Я в кольце рук озадаченного будущего жениха, прижатая им же к стене.

– Джулия, ты еще... – конюх осекся и расплылся в довольной улыбке. – Ваша милость. Простите, что помешал. Это тебе, Джу.

Мужчина поставил на землю куст фиалок в большом

горшке – любимый сорт Корнела.

– Спасибо, Эрнандо.

– Остальное с посыльным вечером вышлю. Точно получится, – добавил он одними губами, намекая на Кристиана, и скрылся в конюшне.

Эрнандо – бесконечно добрый и светлый человек, даром что смуглый и шатен. Шла за него не раздумывая, ни капли не жалею, что попытали счастье. Женились мы в амбаре – пытались, точнее. Ржали лошади, с потолка сыпалось сено, пахло навозом. С навозом как-то не очень получилось, но в остальном все было мило. Хорошо, что я тогда под платье сапоги надела...

– Жених номер семь? – прорычал Кристиан, вырывая меня из воспоминаний. Лучше бы меня из себя вырвал, еще немного, и мы вырастем друг в друга!

– Три, вообще-то. Вы список наизусть выучили? Так интересно моя личная жизнь?

– Меня поражает, как вы дурите мужчин и умудряетесь сохранить отношения!

– Вы мне больше нравились, когда были заняты. К вашему сведению, я не дую мужчин, я их люблю и уважаю. Но вы – редкое исключение.

– Любите и уважаете, сбегая из-под венца? – он усмехнулся.

– А вам-то какое дело? Я каждый раз открыто предупреждаю о своем проклятье!

– И они соглашаются? – искренне недоумевал виконт.

– Всегда, – заявила, довольно, приподняв подбородок. – Из-за денег, самолюбия, тщеславия или азарта. А кто-то, вы, вероятно, не поверите – из очарования мной.

Сэр Кристиан рассматривал мое лицо, словно выискивал, чем можно очароваться. Примерно так я смотрю на органы во время операции, определяя источник проблемы, чтобы избавиться от него. Дошел до губ и напрягся. Меня бросило в жар, во рту пересохло, и я облизнула губу без намека на флирт, но...

– А вы никогда не думали что будет, если все получится? – голос сэра Кристиана стал на порядок ниже. Оставив в покое мои губы, он вновь посмотрел в глаза своим потемневшим взглядом.

Я попаду домой. Или в персональный ад за то, что у меня сердце колотится втрое быстрее, когда сэр Кристиан так на меня смотрит и прижимает к стене, как пылкий любовник.

– Ради этого все и затевается, – произнесла дрогнувшим голосом.

– Ради брака с женщиной которого вы не знаете? – жестко усмехнулся виконт.

Только покажется, что передо мной нормальный мужчина, как он выдает что-то в таком роде! Открыла рот, чтобы ответить, но ворн завизжал. Кристиан отпрянул и начал осматриваться, показывая рукой, чтобы я не шевелилась. Корнел стриг ушами, водил мордой и срывался на визг.

Обычный человеческий пронзительный визг.

– Что происходит? – мой крик растворился в истошном вопле Корнела.

Эрнандо выбежал из конюшни. Опасность витала в воздухе, рассыпала мурашки по коже, сдавливала горло тисками.

– Уведи ее! – приказал сэр Ортингтон, но опоздал.

Под пронзительный визг, ворн распахнул крылья и бросился на нас. Когда прогремел взрыв, мы лежали на земле под защитой Корнела. Сверкнула в темноте ладонь сэра Кристиана, нас тряхнуло и обожгло жаром.

Сердце колотилось как сумасшедшее, в ушах звенело, меня трясло от страха. Я прижималась к виконту, в поисках защиты, и старалась сдержать слезы.

– Вы в порядке? – голос сэра Кристиана казался скрежетом металла.

– Что это было?

Ворн медленно поднял крылья и, размяв их, сложил валиками вдоль боков. Его милость помог подняться и потрепал зверя по холке. Корнел смотрел на хозяина со страхом. И боялся он не случившегося, а что мог опоздать...

– Спасибо, – прошептала, поглаживая дрожащей ладонью морду ворна.

Реальность возвращалась медленно. Сквозь гул в ушах прорывались крики, визг. Вскоре запахло гарью и появились клубы черного дыма.

Взрыв...

Мора...

Мы побежали на звуки, но, увидев, что произошло, я осталась. Здание, куда направлялся сэр Ортингтон – взорвалось! От него остались оплавленные камни и пылающие деревянные перегородки.

Мужчины убежали вперед, а я смотрела на пылающий костер издали, не в силах пошевелиться. Если бы я уехала, если бы не выставила себя посмешищем, Кристиан бы погиб!

Мора зависла в воздухе и, хлопая крыльями, тоже смотрела на пепелище.

– Ненавижу, когда такое случается. Неудачи и беды – разные вещи, – она помолчала, а потом добавила: – там, вообще-то, люди умирают!

Я прошептала «спасибо» и на ватных ногах двинулась к зданию. С каждым шагом решимость росла, обострялись инстинкты и профессиональные навыки, отработанные до автоматизма. В операционной нет места сомнениям, жалости, страху или состраданию. Есть ты и задача. Ты и пациент, который умрет, если ты не возьмешь себя в руки и не поможешь.

Уже на подступах к развалинам я понимала, что работы будет много. На ходу подвязала подол платья выше колен – благо легкое дорожное не предполагает подъюбника, и нашла взглядом жениха номер тридцать семь. Лекарь сэр Бовейн как раз подоспел на место трагедии и вникал в ситуацию.

– Леди Ортингтон, вам сюда нельзя, – стражник в военном мундире перегородил дорогу. Глянула на него разъяренной тигрицей – новенький что ли, совсем порядков не знает?

Попробовала обойти справа – не дал, слева – не дал.

– Пустите меня, немедленно!

– Это вам не булочки печь, леди Джулия! – едко заметил сэр Кристиан, помогая разгребать завалы. Он скинул с себя сюртук и, закатав рукава, разбирал камни. – Здесь не место для ваших игр!

Игр?! Вставила в рот пальцы и хорошенько свистнула – отточенный прием. Стража часто меняется и на такой случай мы с Энтони придумали наш тайный знак. Заметив меня, сэр Бовеин вскинул руки в жесте благодарности Охису. Схватив у помощника красный халат, поспешил к нам.

– Немедленно пропустить! – приказал он, протягивая халат.

Сэр Ортингтон проводил нас угрюмым взглядом, но потребовалась его магия на сложном участке, и я избежала ненужных расспросов.

Накинула на плечи красный халат с белыми, видными издалека, сияющими вставками, и вникала в курс дела.

– Это не магия. Мои способности практически бессильны, – сокрушался Энтони, а я остановилась возле одного из валунов, рассматривая место происшествия.

Слишком похоже на последствия взрыва обычной земной бомбы. И довольно мощной. На этом месте стояло трехэтаж-

ное административно-хозяйственное здание, которое сложилось как карточный домик!

– Здесь разворачивают пункт первой помощи, – инструктировал бывший жених, указывая на строящийся тент с красной крышей. – Сюда складываем погибших.

Стражники достали из завалов мужчину с раздробленной ногой и понесли к строящейся палатке.

– Понадобится любая помощь.

– Энтони, это... – хотела сказать «ужас», но сдержалась. Мне нужен холодный рассудок и уверенные руки. – Я не справлюсь одна!

Самое сложное в моей профессии – выбирать, кого спасти, а кого нет. Когда двоим нужна операция, и нужна она сейчас, принимать решение следует стремительно. Два года назад было нечто похожее. Мятежники подорвали дворец культуры. Граф Ортингтон должен был произносить речь, но по счастливой случайности у его сиятельства случилось расстройство желудка, и он не приехал. А вот бомба сработала! Сейчас стражники вполголоса переговаривались о том же.

– А у тебя нет выбора, Джулия.

– Тогда пусть разворачивают операционную в твоей лаборатории, – скомандовала, надевая перчатки. – Везти ко мне через полгорода – не выйдет. Многим шевелиться нельзя, – осмотрелась и с волнением выдохнула. – Я бы вообще оперировала в полевых условиях, но меня же сожгут на месте! – проходя мимо одного из врачей, остановилась. – Ну кто

так накладывает жгут?! При таком ранении утягиваем выше травмы. Ты перетянул, он лишится ноги! И где записка со временем наложения жгута?

С медициной в Китридже не просто плохо. Ее здесь нет!

– Моего резерва хватит от силы на двух-трех. Остальные смогут и того меньше, – доложил Энтони.

– Это не помогает, – выдохнула нервно, осознавая, какая на мне ответственность. Понадобится помощь. Срочно!

Выдрала из блокнота сэра Кристиана листок и набросала записку для Кэролайн: «В графском поместье был взрыв. Срочно вези инструменты и лекарства. Понадобится помощь всех и немедленно! И возьми наборы № 1 и 3». Это от шока и кровоостанавливающие.

Корнел ошивался неподалеку. Он зорко следил то за мной, то за Кристианом. Пришлось немало постараться, чтобы убедить его помочь.

– Корнел! Я знаю, ты все понимаешь. Нужна твоя помощь. Отнеси это – Кэролайн, – я вложила записку в зубы ворна – больше некуда. – И как можно скорее! От твоей скорости зависят жизни.

Он мотнул мордой и накрыл меня крыльями, как щитом.

– Боги, Корнел! Мне уже ничего не грозит. Здесь полно стражи и сэр Кристиан тоже тут.

Ворн посмотрел на бывшего хозяина и тяжело фыркнул.

– Ну же, лети на всех порах!

И ведь я это образно, но Корнел кивнул мордой и, рас-

правив крылья, взмыл ввысь. Меня оттолкнуло порывом ветра. Задрав голову, смотрела как огромный ворн грациозно и легко рассекает воздух и превращается в черную точку на горизонте. Так он и правда летать умеет?

За спиной раздался пронзительный крик.

– Джули! Джули, сюда! – закричал Энтони.

Ну, с Богом! Попутного тебе ветра, друг.

После того, как улетел ворн, сэр Ортингтон пристально за мной следил. Скинув рубашку, он расчищал завалы, помогая спасать людей. Вот это я понимаю – достойный будущий правитель. Даже не представляю, чтобы на Земле губернатор края, не жалея сил, собственноручно оттаскивал валуны и нес на руках раненых. И виконт умудрялся не только помогать, но и следить за мной. Я бегала от одного пациента к другому – он перемещался следом, словно меня и на минуту нельзя оставить.

– Энтони, закрой меня! – попросила, когда осмотрела очередного пациента. Лекарь сел рядом на корточки, надежно скрывая от интереса сэра Кристиана спиной. – Нам понадобится широкая игла и канюля, – поясняла Ринеру – моему помощнику.

О том, что я на самом деле не лекарь, а владею особыми познаниями в анатомии, кроме Энтони известно еще троим: Ринеру, Клариссе и Заки. По ходу дела я их обучаю, чтобы некоторые манипуляции лекари могли проводить и без меня.

– У пациента левосторонний травматический пневмото-

ракс, если экстренно не оказать помощь – он погибнет.

Отточенными до автоматизма движениями я соединила необходимые инструменты, изготовленные Клифордом по моему заказу, и определила место прокола.

– В нашем случае – между седьмым и восьмым ребром. Энтони, повышенный интерес виконта может плохо кончиться...

– Понял.

Мужчина поднялся и, пока я проводила плевральную пункцию, отвлекал сэра Кристиана расспросами, а заодно помог достать из-под завалов женщину.

– Все, дальше вы справитесь сами, – похлопала Клариссу по плечу и поднялась.

– Джулия! – крикнул Энтони. – Сюда!

Раскинув руки, я осторожно ступала по горячим камням. Каблуки не предназначены для таких мест, а без них я раздери ноги в кровь. Под ногой что-то хрустнуло, и я неуклюже свалилась на камни, содрав в кровь колени. Попыталась встать, но юбка зацепилась за арматуру и кровожадно затрещала. Ринер помог подняться, но в подоле зияла дыра размером с бегемота.

– Ваш наряд, леди...

– К черту! – выругалась, со всех сил дергая за ткань. Общими усилиями мы с Ринером превратили длинное платье в укороченное, примерно такой же длины как и красный лекарский халат.

Мужчины оторопели, глядя на акт вандализма со стороны знатной леди. А уж когда мои окровавленные коленки засеменили туда, куда их позвали – и вовсе рты открыли.

– Что? Дамских коленок не видели, девственники несчастные?

Хирургов лучше не сердить. В таком состоянии у нас напрочь отрубается инстинкт самосохранения, включается комплекс Бога, а уровень цинизма взлетает до небес.

Раскопки возобновились. Энтони подал руку, чтобы я подошла ближе и осмотрела пациента. Увы, сэр Кристиан стоял рядом. Без рубашки и это сильно отвлекало! По его мускулистому торсу стекали капли пота, волосы намокли, руки – сбились в кровь, грудь тяжело вздымалась от напряжения...

– Под этим валуном – актовый зал, – произнес виконт, вырывая из оцепенения. – Поисковый пульсар показал, что там тринадцать живых. Я должен убрать именно этот камень. Если тронем другие – людей завалит, и они погибнут!

Я села на корточки, рассматривая рану пациента. Камень придавил его ногу и живот. Если тронуть – мужчина умрет от шока и потери крови.

– Нельзя. Если вы поднимете камень – он погибнет за несколько минут.

– Для этого, леди, у нас есть лекари! – едко заметил виконт. – К тому же жизнь одного не стоит жизней тринадцати людей!

– Даже одна жизнь стоит того, чтобы за нее боролись! Я

вам не позволю убить этого мужчину.

Сэр Кристиан усмехнулся и дал стражникам знак поднять камень.

– Энтони! – я взмолилась.

– Решение, Джули, и быстро...

Пока мужчины выбирали сторону, с которой лучше ухватиться за тяжелую плиту и распределялись с разных краев, я лихорадочно соображала. Мужчине от силы лет тридцать. Слишком молод, чтобы умереть. Вот если бы камень с него подняли на операционном столе, то...

– На счет три, – скомандовал виконт. – Один, два...

– Стойте! Остановитесь!

– Кто-нибудь, уведите ее! – прорычал сэр Кристиан.

– Подождите. Всего одну минуту! Энтони. Как быстро мы доберемся до опе... твоей лаборатории с пациентом?

– Минуты четыре.

Я закусила губу – слишком долго.

– Абсолютного стазиса хватит?

Лекарь с сожалением развел руками:

– Минуты полторы. Абсолютный стазис дело затратное.

Но, если Крис нас перенесет, то...

Виконт, тяжело дыша, смотрел на нас как на ненормальных.

– Пожалуйста, – взмолилась я. – Неужели для вас ничего не значит человеческая жизнь? Это же чей-то сын, чей-то ребенок! Вы заберете его шанс побороться за жизнь из-за

гордыни и ненависти ко мне?

Запрещенный прием, но у меня не было выбора. Ледяная маска бесчувственности треснула. Сэр Кристиан вспомнил боль, которую пережил сам, потеряв семью, и эту боль не стереть.

– Куда?

– В мою лабораторию. Трoих.

Энтони погрузил пациента в абсолютный стазис. Возможность переноса других – высший пилотаж в боевой магии. Это энергозатратное дело, как и абсолютный стазис, но у нашего пациента не было другого шанса.

Оказавшись в лаборатории, мы аккуратно уложили мужчину на носилки. За книжным шкафом уже слышался шум – ребята готовились к операции. Сэр Бовеин открыл потайную дверь, и мы на всей скорости понеслись в операционную.

На меня накатил мандраж. То особое состояние, когда счет идет на секунды. По телу рассыпаются мурашки, но мысли удивительно ясные, четкие. Руки действуют сами, отточенные движения, четкие проколы, выверенные надрезы.

Вскоре к нам присоединились Мэри и Кэролайн, которые принесли нужные лекарства и инструменты из моей операционной. Энтони отправился к месту взрыва, а мы занялись спасением жизни.

Операция длилась полтора часа. Мужчина оказался бойцом. Пережил две остановки сердца, потерял много крови, которую мне пока нечем было восполнить. Пришлось вли-

вать физраствор – которого тоже мало. Мои запасы не рассчитаны на полномасштабную больницу, так, только на редкие экстренные случаи и плановые операции.

Реанимации в отделении Энтони не предусматривалось, только общие палаты. Мэри тщательно все дезинфицировала, и мы перевели пациента под опеку лекарей. Самое сложное – сохранить человеку жизнь, а поддержать ученики сэра Бовейна смогут самостоятельно.

На очереди ждали еще четверо. Все в неглубоком стазисе. Абсолютный как бы замораживает человека, консервируя в том состоянии, в котором он есть. Его сердце не бьется, легкие не дышат, кровь не течет в венах. Он словно замирает в одном мгновенье. Жаль, на Земле не существует подобной технологии. Она бы спасла миллионы жизней. Неглубокий стазис тормозит все процессы, но не останавливает. Рано или поздно, без медицинской помощи эти люди умрут.

Я смотрела каждого, дала рекомендации, прописала поддерживающую терапию, и определила очередность. Одного взяли мои ученики – зашить ткани они смогут и сами, остальные на мне.

Трое пациентов превратились в семнадцать. Я оперировала без отдыха почти двое суток. Мэри и Кэролайн едва стояли на ногах. Время от времени их подменяли Ринер и Кларисса. Зак, как самый опытный, проводил несложные манипуляции сам, но тоже едва держался. Энтони курировал травматологию и послеоперационный блок.

– Это последний, – сообщил Ринер, закатывая пациента. Мэри как раз доставала простерилизованные инструменты.

– Леди, наши запасы почти кончились, – тревожно сообщила Кэролайн.

– Значит, придется сделать невозможное.

Я обработала рану пациента, пока Ринер подключал датчики, а Мэри входила в вену. Если бы только в графстве разрешили открыть больницу...

Ладно, хватит мечтать. Натянула на лицо маску:

– Делаю разрез, – занесла скальпель, но в коридоре раздался шум. Я остановилась. За стеклянными дверьми показались сэр Бовейн и сэр Ортингтон.

Твою ж! Только его здесь не хватало!

Наши с виконтом взгляды встретились, а в следующий миг оглушительный удар сердца вернул меня в реальность:

– Ринер, запри дверь и придвинь что-нибудь тяжелое. Мэри, делаю разрез...

– Леди Джулия, немедленно отойдите от него! Думаете, запертая дверь меня удержит? – сэр Кристиан несильно ударил ладонями по стеклу и то дрогнуло. Но не дрогнула моя решимость.

– Кэролайн, отсос. Мэри – расширитель, – отдавала четкие приказы, игнорируя виконта. У пациента – внутреннее кровотечение, а у меня нет крови для переливания и почти закончился физраствор. Без моей помощи он погибнет.

– Крис, ты не понимаешь! Она спасла четырнадцать чело-

век!

– И убила троих! Не вы ли говорили, что даже за одну жизнь стоит бороться?

Увы, но дверь совсем не отсекала звуки.

– Хирургия не всесильна, сэр Кристиан, – ответила спокойно, пытаясь обнаружить источник крови. – Нашла! Мэри, зажим. Придержи расширитель.

– Но, я... я не могу.

– А у меня нет третьей руки – держи! – женщина замешкалась. – Он истекает кровью!

Хирург проверяется стрессом. Если ты способен принимать верные решения под давлением, собраться, когда нет сил и молниеносно делать выводы – ты годишься для этой работы. Я не вечна, к тому же – скоро вернусь на Землю, если не спалят на костре. Мне будет спокойней, если мое место кто-нибудь займет.

Мэри собралась с силами и взяла расширитель. Пока Кристиан и Энтони ругались в коридоре, я объясняла Мэри особенности процедуры. Операция оказалась не сложной, но неотложной. Зашивала Кэролайн, у нее к этому талант.

– Это все? – спросила, не чувствуя ног от усталости.

Ринар довольно улыбался и крепко меня обнял.

– Вы молодец, леди Джулия. Это колоссальный опыт и огромная честь работать в вашей команде.

– Ну, я еще повоюю, – пообещала, глядя сквозь стекло на сэра Кристиана, который был готов размазать меня как

паштет по хлебу.

– Ко мне в кабинет. Живо! – приказал сэр Кристиан.

– Прямо в таком виде? Крис, остынь... Приведите себя в порядок хотя бы. Все закончилось и закончилось хорошо, – вступился лекарь.

Я на минутку присела на стул в углу операционной – ноги гудели, перед глазами рассыпались черные мушки. Глаза закрыла только на мгновение. Последнее что помню – тепло руки Энтони, и я моментально провалилась в сон. Так всегда после сложного рабочего дня.

Пробуждение не порадовало.

Во-первых, меня разбудил не Сэд, а голодный желудок. И не то, чтобы он громко урчал, он сжирал меня заживо, словно я спала несколько дней.

Во-вторых, с тумбочки незнакомой комнаты на меня взирала Мора.

В-третьих, собственно, незнакомая комната не предвещала ничего хорошего.

– Где я? – обратилась к богине, принимая сидячее положение. Голова обиженно налилась болью, и я плюхнулась обратно на подушки.

Переспала. Нет бы разбудил кто! Совсем перевелись добрые люди.

– Я тебе не справочник, – ответила Мора, расхаживая по тумбочке птичьими лапками. – Мы посоветовались, и я реши-

ла, что с меня хватит.

– Ты прости, но я сейчас очень плохо соображаю, – растирала виски, но избавиться от жгучей боли это не помогало.

– Мы расстаемся, – решительно объявила богиня.

Я даже виски оставила в покое и глаза открыла, хоть яркий солнечный свет пытался их выжечь.

– Это с чего вдруг?

– Я, по-твоему, совсем что ли сволочь? – обиженно спросила богиня. – То, что ты сделала три дня назад было...

– Всего лишь моя рабо... три дня назад? – мои брови поползли вверх.

Кто о чем думает, а доктор о земном: куда я, прости господи, все это время писала?

Запустила руку под одеяло и вздохнула с облегчением – сухо.

– Но не надейся, я буду навещать время от времени!

– Хотела бы сказать, что буду скучать, но это вряд ли, – я усмехнулась, понимая, что все-таки буду скучать. – Мора, спасибо.

Богиня глянула на меня птичьими головами и, кивнув, растворилась в воздухе. Это что значит, неудачам конец? Очень и очень странно.

Попробовала сесть – тело болезненно протестовало. Голова гудела, в глазах троилось, в ушах стоял звон... А, нет, звон настоящий. В комнату вошли молодые девушки с железным горшком, тазом и кувшинами. Смутно начинаю догадывать-

ся, почему постель сухая, а я вкусно пахну фиалками, а не трехдневной собой.

– О, леди Ортингтон, вы очнулись?!

Полагаю, падать на подушки и притворяться спящей поздно.

– Очнулась. И это, – кивнула на горшок, – мне больше не понадобится.

Вопреки расхожему мнению, облегчить человека в беспмятстве – та еще задача! Да и вообще не самая приятная, хоть и нужная, работа. Помню свою первую неделю в больнице. Я была почетным утконосом! Утки за пациентами выносила...

– Где моя одежда? – я припомнила события недавних дней и поправилась: – Полагаю, от нее мало что осталось, но все же лучше, чем ничего...

– Сэр Ортингтон, как вас раздели, так сразу и забрали. Возвращать не велели.

Уставилась на девиц, разом потеряв единиц двадцать IQ.

– Сэр Ортингтон, простите, что сделал?

Для убедительности заглянула под одеяло. Не только сухая, но еще и в ночной сорочке на голое тело. Панталоны-то зачем было снимать? И бюстье? Нет, за это спасибо, конечно – три дня в тугом бюстике то еще испытание, но как посмел-то?! На Тэйле это не то что не принято, за это под венец попасть можно!

– Леди, все же знают, – хихикнула рыжая, самая моло-

денькая. – Вы хоть и спите в разных спальнях, но настоящую любовь не скроешь.

Вот что я люблю, так это людей резать! Вазэктомию никогда не практиковала, надо бы научиться.

– Любовь, значит, – повторила, прикидывая варианты. – Найдется что-нибудь на замену моему платью? Что угодно? Хотя бы и наряд прислуги?

– Чтобы вы могли сбежать от разговора? – раздался от двери голос виконта.

Девушки, отвесив его беспощадной милости поклоны, схватили утварь и освободили помещение от своего присутствия. Мы остались один на один с сэром Кристианом, который пожирал меня взглядом. Не сексуально – гастрономически!

– Вы когда ели последний раз?

Виконт плохо выглядел. Под глазами залегли синяки, на лбу – испарина, грудь вздымалась от тяжелого и частого дыхания, а сам он, бледный как простыня, облокотился о дверной косяк, чтобы не было заметно, как дрожат его руки. Храбрился, но даже самый сильный мужчина не в силах противостоят болезни.

– Сэр Кристиан! – возмутилась, выскальзывая из кровати в одной сорочке на голое тело. – Скажите, что вы были у лекаря?

Попробовала взять руки его милости, но тот одернул их и отшатнулся.

– Был. Энтони в темнице.

– Что?! Мне казалось, вы друзья...

Руки виконта утратили значимость. Как и в целом его дурное состояние.

– Это не дает права нарушать закон!

– Вы с ума сошли? Не отвечайте, вопрос риторический!

Сэр Ортингтон качнулся. Неуверенно оттолкнулся от дверного косяка и, схватив меня в охапку, прижал к себе, чтобы впиться губами в мои губы. Яростным натиском он ворвался в мой рот, блуждал ладонями по моей спине, прижимая к своему раскаленному телу. Точно сошел с ума.

Попробовала его оттолкнуть, но железная хватка не дала отстраниться. Тогда укусила виконта за губу и вскрикнула:

– Вы животное!

– Ненавижу вас! – хладнокровно произнес он, рассматривая мое лицо. На его губе проступила капелька крови, но его милость игнорировал этот факт.

– Зачем тогда целовали?

– Первобытный инстинкт, – усмехнулся он и провел пальцами по моему лицу. – Вас хочет мое тело и не хочет – разум.

– Сногшибательная прямолинейность! – фыркнула, едва не упав под весом виконта. Он еле стоял на ногах и все больше опирался на меня, обжигая жаром. – Лучше лягте и заткнитесь, иначе воткну вам кляп или налью капель, от которых вы проснетесь дней через пять с мучительной головной болью.

Помогла его милости добраться до кровати и сняла с него обувь.

– Разве леди должна... произносить такие слова? – проговорил он, тщетно цепляясь за обрывки сознания.

– Леди ничего и никому не должна. Спите.

Сэр Кристиан, конечно, не собака, но команду выполнил моментально. И трех секунд не прошло, как он затих.

Идеально! Раздобуду одежду и сбегу.

Проверила шкафы, тумбочки, даже в ванной комнате – ни намека на одежду. Виконт словно предполагал, что я могу воспользоваться ситуацией и исчезнуть. В моем распоряжении максимум простыня, и та под пылающим сэром Ортингтоном.

Сорочка – тоже одежда. Уже решилась бежать в ней, но замерла возле зеркала. Кудри рассыпались по плечам, на щеках – румянец, губы – пылают от гневного, но горячего поцелуя, а тонкий шелк ночной рубашки облегает фигуру и струится до пола. Если бы не разрезы по бокам до середины бедра, было бы сносно для прогулок по домашнему крылу.

Ладно, бежать! А там разберемся.

И только ногу занесла за порог спальни, как виконт застал.

Обернулась.

Он бредил. Метался на подушках, вздрагивал, что-то вскрикивал, звал каких-то Элиссон и Джину. Жена и дочь? Ему стремительно становилось хуже. Лицо побледнело, во-

лосы свились кольцами от пота, дыхание стало частым и поверхностным.

– Не могу поверить, Маша! – взывала, возвращаясь к его милости.

Не то чтобы меня клятва Гиппократа держала, я особо не дорожу обещаниями давно умершему мужику, но сэр Кристиан все же человек. Почти. И мне его по-человечески жалко. Тоже почти.

Кто не погибнет от шальной пули и вражеской сабли, того повалит синегнойная палочка. Причем эта с виду безобидная зараза способна на кровожадные убийства, а кто-то не только к лекарям не зашел, но и сам раны не обработал как следует!

Виконт таял на глазах. На Земле я бы для начала поставила литическую смесь чтобы сбить температуру, но на Тэйле с этим справляются целители. Сейчас жалею что не попросила Суорена, жениха сто шестнадцать, разработать супрастин, анальгин и папаверин. Он гениальный алхимик. Смог синтезировать антибиотики, смог бы и литичку.

Как некстати целители в опале! Пришлось действовать по старинке: раздеть сэра Кристина. Вообще. Совсем. Новорожденным и этого бывает достаточно, но у меня не пять, а все девяносто пять килограмм мускул, которые следует поместить в прохладную воду. Задача оказалась не из легких, но я справилась. Ледяную воду нельзя – будет спазм сосудов, возможно повреждение внутренних органов, поэтому вода

чуть прохладная.

Виконт лежал, откинув голову на бортик ванны. Боевой маг, будущий граф, просто сильный и независимый мужчина сейчас полностью в моей власти. А я... Забыла все обиды. Смотрела на его лицо, искривленное болью и жаром, и не помнила, что мы с ним не поделили. Да это и неважно. Главное, выходить его. Но без врачей и антибиотиков с заражением крови не справится даже самый гениальный доктор.

Взялась за мочалку и тщательно вспенила мыло. На груди и животе его милости несколько глубоких царапин. Должно быть, порезался о камни, когда спасал людей, и не придал значения. Без ухода раны инфицировались и загнили. Осторожно промыла их, удалила грязь, оценила масштаб катастрофы: придется рассекать, очищать, дезинфицировать и зашивать.

– Вам бы не помешала толика благоразумия! – посетовала, закончив омыwać рану и остановилась взглядом на запястье виконта: артефакт правды! Что, если я его, скажем, сниму и, допустим, спрячу у себя? Разбирать завалы – дело такое! Мог ведь упасть ненароком, затеряться, испортиться...

Во мне боролись два начала. Темное подначивало избавиться от артефакта, а светлое убеждало, что это нехорошо, да и вообще – вызовет подозрения. Виконт не глуп. Он пришел в мою комнату с браслетом. Здесь и расследовать нечего. Забыла об артефакте и убрала мочалку.

Его милость спал спокойно. Коснулась твердой и го-

рячей груди виконта, чтобы прослушать сердце. Оно коло-
тилось в мою ладонь с бешеной скоростью – тахикардия.
Бережно провела ладонью по гладкой коже, словно касание
способно исцелить, спустилась ниже – к бугоркам... Опом-
нилась, когда пальцы коснулись воды.

– Что ты творишь, Маша? Оставь человека в покое...

Дурная привычка – разговаривать с собой, когда волну-
юсь. Хотела подняться, но виконт перехватил мою ладонь и
притянул к губам:

– Не уходи...

– Я здесь, ваша милость. Уберу мочалку и переложу вас
в кровать.

– Элиссон, у меня плохое предчувствие. Оставайтесь до-
ма...

Сердце болезненно сжалось. От высокой температуры
случается бред и больные часто переживают не лучшие пе-
риоды жизни. Вновь пережить потерю любимых – невообра-
зимая жестокость. Я улыбнулась, хоть помутненный взгляд
сэра Кристиана вряд ли что-то разбирал. Ласково погладила
его по щеке и произнесла:

– Хорошо, дорогой. Мы останемся дома. Мы всегда будем
рядом.

Виконт с облегчением кивнул и, снова откинув голову
на бортик, забылся спокойным сном. Аккуратно освободила
свою ладонь из его крепких пальцев и спустила воду. Кажет-
ся, я попала...

Жар немного спал, но это временная мера. Я выиграла от силы полчаса, не больше. Навскидку у сэра Кристиана заражение крови. Раны промыла, но это его не спасет.

Пришлось раздеться, чтобы не намочить единственную сорочку, когда пойду в поисках помощи. Какое счастье, что пациент в глубоком забытье и никогда не вспомнит этот непристойный факт моей биографии. Крепко обняла виконта за подмышки и попыталась приподнять. Первый раз, второй, а на третий поскользнулась и рухнула на него прямо в ванну.

– Ох, сэр Кристиан! Вы окончательно угробите мою репутацию!

А еще мою психику. Я все же здоровая женщина и ничто мирское мне не чуждо, хоть мужчина и в отключке.

Решила сменить тактику и зайти с другой стороны – насухо вытерла пациента. Дело пошло на лад. Крепко обняла сэра Кристиана и потащила в спальню.

– Если появится пара синяков – вы уж без обид, – предупредила, когда безвольно болтающаяся рука его милости треснулась о дверной косяк.

Худо-бедно уложила его на кровать и снова неуклюже рухнула сверху, да так, что уперлась носом... пусть будет в попок.

– Сэр Кристиан, вы просили... Оу! Ай... Э-э... Простите!!! – стражник залился густой краской и громко хлопнул дверью. Я даже понять ничего не успела.

Твою ж!

Что-то подсказывало, утренние газеты порадуют острым сюжетом. Надеюсь, я к тому времени буду уже далеко от дворца. Сбегать, конечно, не планирую – дала зарок, если все когда-нибудь вскроется, встречу ситуацию с гордо поднятой головой. Жизнь в бегах не для меня. Если решат, что из меня получится красивенький костер – так тому и быть. Неунывающая Джулия Ортингтон до конца верит в счастливый финал. И, если мне гореть, то так, чтобы все до конца жизни запомнили! Хотя, с такой биографией захочешь – не забудешь! Но, когда сэр Кристиан обо всем узнает, я предпочту находиться подальше от него. Мало ли под горячую руку попаду.

Слезла с его милости, вытерлась и надела сухую сорочку, поверх накинула камзол сэра Кристиана. Смотрелся как полупальто, довольно стильно, а главное – прикрывал от любопытных зевак все стратегически важные части моего тела.

Распахнула окна, оставила на лбу виконта влажное полотенце и, с гордо поднятой головой, двинулась на поиски приключений. Я хотела сказать лекарей, но чую, поиски обернутся тем еще приключением.

В гостиной написала записку для Клифорда. Если я спала три дня (с чего бы это, кстати?), то аппарат для очистки и переливания крови должен быть готов. Если подтвердится сепсис, спасти виконта в условиях Тэйлы сможет только переливание. А я – универсальный донор. Лишь бы у него

резус-фактор оказался положительным...

На выходе из покоев дежурили стражники. Стоило мне ступить босой ногой в коридор (тапочек и тех не оставили!), как перед моим лицом скрестились копья.

– Это как понимать, господа?

– Сэр Кристиан не велели выпускать вас из комнаты без особого распоряжения! – отрапортовал молоденький стражник с белоснежным пушком над верхней губой. Он смотрелся так забавно, как первое оперение у цыпленка. Пока юноша говорил, заливаясь краской, я все смотрела, как шевелятся волосики над его губой.

– Как вы знаете, сэр Кристиан, – я закусила губу и вздохнула, – несколько занят, чтобы лично давать вам особые распоряжения. Или хотите вернуться в спальню и уточнить, могу ли я сходить за стаканом воды и вещами, нужными ему для работы?

Навскидку, придется притащить целый чемодан и, раз уж возле комнаты дежурит стража, надо обойтись без досмотра. В личные вещи виконта они нос сунуть не посмеют.

– Никак нет, леди! И... прошу прощения, что ворвался. Виконт велел немедленно доложить, если придут новости из особого управления. Они пришли.

Особое управление – департамент по делам мятежников и попаданцев. После первого вторжения землян такое было создано и до сих пор работает.

– Я могу передать.

Стражник ухмыльнулся и, вытянувшись по струнке, ответил:

– Прошу прощения, леди, но велели лично в руки.

– Как знаете.

Надеюсь, это связано со взрывом, а не со мной...

– Будьте так любезны, отправьте эту записку сэру Торнелу. Дело не терпит промедленья. От вашей исполнительности, в буквальном смысле, зависит жизнь сэра Ортингтона.

Стражники переглянулись. Второй, что постарше, кивнул, и молодой побежал выполнять поручение.

– Любезный, где у вас темница? – спросила с обворожительной улыбкой.

– Так вы же... воды хотели попить, – растерялся он.

Сразу видно, что старший стражник. Ростом выше, в плечах – шире, возрастом – солидней, а на лице вселенская безнадега. Будешь тут оптимистом, когда целыми днями смотришь на кончик своего носа и изредка проходящих мимо обитателей четвертого этажа, то есть графа и виконта.

– Вы это... позвоните в колокольчик, вам все принесут, – смущенно произнес мужчина, поглядывая на мои босые ноги и намекая явно не на воду.

Понятно. Здесь я помощи не дождусь. Глянула направо, налево и решила, что приличной леди налево ходить не пристало. Правильно решила! Вышла в небольшой холл и застала горничных. Они обмахивали метелкой каменную статую голозадого мужчины и щебетали, не замечая меня.

– Представляешь, какое у нее было лицо? – хихикнула светленькая, показывая что-то руками. – Вот такая куча и прямо на столе виконта!

Девушки расхохотались, но спохватились и, прикрыв рты ладошками, тихонько хихикали.

– Хорошо сэра Ортингтон не увидел! Айша убрать успела!

– И кто только отважился?

– Простите, дамы.

Девушки взвизгнули, вздрогнули и пороняли метелки.

– Леди Джулия! – они синхронно склонились в книксенах и схватили рабочие инструменты. – Уже уходим.

– Нет, постойте. О чем вы сейчас говорили?

Девчонки испуганно переглянулись, но не сдержались и снова захихикали. Предчувствие не обмануло. Оказалось, пока я спала, Эрик от души отомстил сэру Кристиану. И столу сэра Кристиана отомстил тоже. Тому столу, на котором лежали сарсонские рукописи! Кстати, о древних манускриптах – возможных ключах домой!

– Любезные, не поделитесь одеждой?

Моя репутация все гибла и гибла. Горничные не решались, пока я не призналась, что костюм горничной нужен для ролевых игр с сэром Кристианом.

– Сюрприз, понимаете? – поиграла бровями, изображая смущенную невинность.

– Раз хозяин шалить изволит, на доброе дело не жалко! – произнесла светленькая, кивая в сторону дверей.

Мы поменялись одеждой, и я взяла с девушек зарок, что они никому не расскажут. Горничные охотно обещали и даже клятвенно заверяли, что ни-ни, но и без смеха Моры ясно, что завтрашний выпуск газет будет посвящен нашей с сэром Кристианом разнообразной личной жизни. Отсутствующей личной жизни, но люди охотнее верят газетам, чем правде!

– А, чуть не забыла! – спохватилась, пока девушки не ушли. – У кого ключ от кабинета сэра Кристиана?

Горничные переглянулись. Ладно, дальше дна падать некуда.

– Шалить изволим там! Но, чтобы получился сюрприз, я должна быть внутри, вы понимаете?

В общем, ключ от кабинета сэра Кристиана я получила. А еще метелку и тряпку, для большей достоверности. Мне даже подсказали потайные ходы прислуги, чтобы, скажем так, войти в роль. Горничных отбирают явно не по умственному критерию.

В кабинете виконта я планировала найти сарсонские рукописи и понять, помогут ли они вернуться домой. Займет минут пять, не больше.

Забавно, как костюм меняет видимость человека. Леди, особенно с моей славой, заметят издали. Но горничную, даже если она наступит вам на ногу, в упор не разглядят. Прислуга – это серые мыши замка. Все знают, что они есть, но никто их не видит и не слышит. Или делают вид, что не

видят и не слышат. Темно-синее льняное платье в пол украшено только белым воротничком и небольшим фартуком с рюшками. В нем разные кармашки для ключей, тряпочек, мочалок, еще какой-то непонятной ерунды. Засунула вещи обратно и остановилась у зеркала. Поправила наспех заплетенную косу, подвязала ту же кипенно-белый чепчик и нырнула в потайной ход.

Чтобы прислуга не мельтешила по коридорам, для них (а еще для бесстыжих хозяев, которым есть что скрывать) создали такие вот потайные ходы. Узкие, не освещенные, с небольшими окошечками в разные коридоры, чтобы можно было понять, где находишься, если вдруг заблудишься. Я вообще клаустрофобией не страдаю, но ощущения не из приятных. В проход шириной чуть меньше метра протиснется только очень смелая и худенькая горничная. Наверное, конкретно в этом замке для господ имеются другие ходы.

Осторожно спустилась по ступенькам, свернула направо и вышла аккуратно у кабинета сэра Кристиана. Туда-сюда снова ли посетители, проплывали с важным видом, задрав подбородки, и на меня не смотрели. Опустив голову, просеменила к двери, повернула ключик и скрылась внутри.

Вот она – святая святых сэра Кристиана. Пустой кабинет пах виконтом – тонкий, едва уловим аромат хвои, кедра и чего-то цитрусового. Приятный, в меру терпкий, и запоминающийся, прямо как его милость. Один раз встретишь – потом всю жизнь не забудешь. А попробуешь понять, что в нем

особенного – словами объяснить не сможешь. Я, конечно же, про аромат. Только про него.

Пересекла кабинет и бегло просмотрела бумаги на столе. Мужчинам не свойственно соблюдать порядок, но у виконта бумажка лежала к бумажке. Идеальная немецкая пунктуальность! А еще обыкновенная житейская подлость – сарсонских рукописей не было. Ни на столе, ни в столе, ни на книжных полках – нигде. Манускрипт не маленький, так просто не проглядишь. Возможно, сейф?

Непонятно зачем, я стала отодвигать картины и искать сейф. Ну, найду его, и что дальше?

Дверная ручка шевельнулась. Я сиганула под стол и замерла в тот момент, когда двери распахнулись. Кто-то остановился на пороге. Двери тихонько закрылись. Шаг, второй, третий... Я сжалась в комочек и не дышала. Еще один вор? Или кто-то увидел, как я сюда захожу и решил проверить?

Зашелестела ткань, что-то звякнуло, а потом зажурчало. Вода? Да что там творится? У виконта ни единого цветка, здесь нечего поливать! В коридоре раздался чей-то голос, быстрые шаги приближались.

Снова что-то звякнуло и, когда дверь открылась опять, незадачливый вор шмыгнул под стол.

Я зажала рот жениху номер двадцать три, глядя на него такими же огромными глазами, как и он на меня. Приложила палец к губам, чтобы не шумел и немного подвинулась, хоть под столом и для одного было тесно.

– Джулия?! – прошептал Жорж одними губами, когда я убрала руку.

– Ты отпустил усы? – показала жестом и беззвучно усмехнулась.

Кто-то закрыл дверь и вошел. Ну, знаете, это уже сказкой Теремок пахнет. Только места под столом для еще одного бывшего жениха уже не найдется.

Тишина. Шаг, другой. Снова тишина. Что-то скрипнуло, отодвинулось.

– Да что же это такое! – громыхнул мужской голос.

Жорж повел носом, собираясь чихнуть. Я сделала страшные глаза и провела пальцем по шее.

– Не смей! – произнесла беззвучно и зажала Жоржу нос.

– Сначала нагадили, прямо на стол, теперь напрудили в кресло! Что дальше?! Это... это беспутство! – воскликнул, кажется, дворецкий семьи Ортингтонов.

Быстрые шаги направились в сторону дверей и раздался оглушительный чих.

Я зажмурилась и замерла. Жорж замер тоже, а потом чихнул снова. Три раза. От души так чихнул, зычно, сочно, басовито.

Взвизгнула, когда перед лицом показалась голова дворцового. Точно – Мигель Ротинбер, управляющий графским замком.

– Леди Джулия?! – седые брови взмыли вверх. Он перевел взгляд на Жоржа, а тот... чихнул еще раз и злополучные

усики с одной стороны отклеились. Гневно дернула за край, и щетина осталась у меня в руках. Тоже мне, конспиратор недоделанный! – Э-э, а вы кто?

– Жорж Страве... ве... ачхи! Велли! – бывший жених вытер нос ладонью и протянул руку. – Стыдно не знать величайшего музыканта столицы!

Дворецкий брезгливо глянул на руку, протянутую из-под стола и распрямился. Мы неуклюже вылезли и привели себя в порядок.

– Простите, леди Ортингтон, – последние слова дворецкий проговорил по слогам, окидывая меня внимательным взглядом. Точнее, не меня, а наряд горничной. – Чем вы здесь занимались? Да еще и в таком костюме?

Мысли лихорадочно метались в голове в поисках выхода.

– Мы... – Жорж тоже пытался придумать логичное объяснение. Но, если я еще могла как-то выкрутиться, то его поступок никакой логике не поддавался. Это надо было додуматься вообще!

– Это вы напрудили на обивку кресла и анталийский ковер ручной работы прошлого века? – строго спросил дворецкий с замашками дознавателя.

– Да за кого вы меня принимаете?! – жеманно вспыхнул Жорж.

Приподняв седую бровь, мужчина глянул в область оружия преступления моего бывшего жениха и изрек:

– М-хм... понимаю, понимаю.

Что за идиот! Не мог ширинку нормально застегнуть?

– Хорошо, хорошо! Вы нас поймали, – сообщила виновато. – Прелюбодейничали мы, – созналась, положив руку на сердце.

Дворецкий такого поворота не ожидал, а у Жоржа оттянулась челюсть. Он глянул на меня с надеждой и утратил дар речи.

– Ширинку застегни, – пихнула горе-любовника, пускающего радостные слюни. Очередной месяц ночных серенад я нашему кварталу обеспечила.

– Прелюбо... гхм, гхм, – дворецкий поправил лацканы сюртука и прокашлялся. – То есть как?

– Вам наглядно показать?!

– Что? – растерялся мужчина и залился краской. – То есть, нет, конечно же, но... как же...

– Я изменяла сэру Ортингтону. Каюсь, – виновато потупила взгляд. – Думаю, будет лучше, если я сама ему обо всем расскажу. Прямо сейчас пойду и выложу все как на духу!

Ага, жди.

– Да, пожалуй-с, будет лучше, если вы сами, – растерянno согласился дворецкий, а я активно выпихивала застывшего от счастья Жоржа из кабинета.

– Мы пойдем. Я покаюсь, вот прямо сейчас покаюсь.

Вытолкала Стравелли в коридор, а сама заглянула обратно, чтобы поинтересоваться:

– Где мне найти лекаря?

– Боюсь, сэр Ортингтон велели отослать всех из дворца до особого распоряжения.

Великолепно!

– А сэр Бовейн в местной темнице или в центральной?

– В местной, но вас туда не пустят.

Да конечно!

Вышла не прощаясь. В коридоре дала Стравелли затрепину и сунула ему в руки усы.

– Ты что, совсем дурной? Ты зачем в кабинете напрудил?

– Хотел напугать соперника.

Скорее уж деморализовать.

– А мы правда теперь вместе? – с надеждой спросил он.

Я закатила глаза и всплеснула руками.

– Ты у меня в долгу! А теперь иди давай.

Чтобы выпроводить Стравелли из замка, пришлось немало потрудиться. Он угрожал порадовать меня новой серенадой. Чую домашние будут благодарны за бессонную ночь...

Местная темница располагалась на втором подуровне подвала. Как-то раз сэр Лютер Мавриус, глава тюремной стражи, пригласил меня на весьма экстравагантное свидание... в тюремной камере! Seriously, в списке самых странных женихов он занимает второе место. Сразу после Жоржа.

Разумеется, дверь в темницу оказалась заперта, а на страже сидел вовсе не Лютер.

– Горничных не вызывали, – скучаяще заявил сторож и

захлопнул окошечко в двери.

– Я к сэру Мавриусу!

– Ага, я к Охису записался, только он чейто не спешит меня принять.

– Примет, если вы меня немедленно не пропустите!

Охранник снова открыл окно, пригляделся получше и просветлел:

– А, леди Джулия? Простите, не узнал вас...

На мне всего лишь униформа горничной, а работает не хуже камуфляжа.

– Прощаю. Он на месте?

– У себя, – зазвенели ключи, скрежетнул замок и, поскрипывая, железная дверь отварилась. – Вы в наряде... не узнал, не узнал.

Проводив меня сальной улыбочкой, охранник пробурчал под нос:

– Вот счастливый мерин! Такую бабу отхватил.

Не хочу я завтрашние газеты читать...

Кабинет Лютера – в административной части темницы. Миновать узкий каменный коридор, освещенный по старинке факелами, свернуть за угол и постучаться в низкую, скругленную сверху дверь.

– Занят! – важно гаркнул бывший жених.

– Даже для меня?

За дверью что-то грохнулось, разбилось, снова грохнулось, упало, встало на место и двери распахнулись. На поро-

ге, спешно приглаживая буйные рыжие волосы, замер Лютер. Один из тех, кто женился на мне по любви. Пробовал, точнее.

– Джулия? Чем обязан такой честью?

– Есть покушать? – желудок требовательно зарычал.

– Сейчас будет! Тери! – заорал Лютер, выглянув в коридор. – Метнись за едой для леди Джулии!

Я закатила глаза и вздохнула. Что за люди? Теперь вся темница будет знать, что я пожаловала. Но есть и плюсы – через пять минут, как варвар, прямо руками я ела печеную рыбу с овощами. От вина отказалась, на всякий случай, ведь неизвестно, что там с сэром Кристианом.

Лютер, смакуя вино из серебряного кубка, наблюдал как я ем. Вытерла рот и ладони салфеткой и, откинувшись на спинку деревянного стула, произнесла:

– Сэр Энтони Бовейн.

Мужчина усмехнулся и, медленно поставив кубок на стол, кивнул.

– Я знал, что ты пришла не просто так. Прости, Джулия, но не выйдет. Приказ виконта Ортингтона. Если хочешь, могу передать ему сообщение.

– Пять минут наедине, – настаивала, имея козырь в рукаве.

– Джулия... Так нельзя. Я бы и хотел помочь, но... Не знаю, где ты была последние дни, но лекари и целители в серьезной опале. Энтони сидит в одиночке, вдалеке от осталь-

ных и ему запрещены любые контакты.

– Если ты не расскажешь – кто узнает?

– Стража.

– То есть, твои люди не умеют молчать? – я подняла бровь, но сто первый продолжал упорствовать. Хорошо, тяжелая артиллерия. Я поднялась и, стряхивая с платья пылинки, заявила: – Лютер. Если ты непустишь меня к Энтони, я всем расскажу, какой ты большой любитель коз, – поиграла бровями, намекая на крайне неприятный факт в биографии бывшего жениха. – Это будет очень интересный выпуск газеты! Вмиг разлетится, а там еще дополнительный тираж и...

– Да было-то один раз! – возмутился он. – На спор...

– Что-то я очень сомневаюсь!

Он взъерошил волосы и, хлопнув ладонями по столу, рывком поднялся:

– Ладно! Ладно! У тебя пять минут! – в меня ткнули дрожащим пальцем. – И, Джулия, если что, я тебя прикрывать не стану.

– И не надо.

Энтони поместили в одиночную, но комфортабельную камеру. На кровати мягкий матрас, подушка и одеяло, в углу комнаты – удобство и раковина, у стены – пара полок книгами и почти под потолком узкая, в два пальца шириной, полоска окна, выходящего в тюремный двор.

– Пять минут! – напомнил Лютер, открывая двери решетки.

– Спасибо за рыбу, – подмигнула, проходя внутрь.

Когда шаги Лютера стихли в конце коридора, а надзиратель отошел к другим камерам, я крепко обняла Энтони и спросила:

– Как ты?

– Все хорошо. Бывал в местах и похуже, – мужчина усмехнулся, осматривая мое лицо. – Расширены зрачки. Головная боль?

– И ломота, да, есть немного.

– Последствия магического сна, – улыбнулся он, накрывая мою голову ладонями. По коже разлилось тепло, отозвалось жжением в голове, лавой хлынуло по телу и растаяло.

– Спасибо. Гораздо лучше!

– Кристиан знает, что ты здесь?

Я села на кровать и спружинила на матрасе. Хороший, ортопедический. Закон законом, но Кристиан заботится о друге.

– Нет. Он умирает. Точнее, умрет, если ему не помочь. Я жду посылку от Клифорда и мне нужен Ринер или Кларисса, кто-нибудь, чтобы сбить жар и сделать диагностику.

– Джулия. Когда ты закончила последнюю операцию и уснула...

Энтони почесал подбородок и прошелся по камере.

– Это я погрузил тебя в магический сон. Но ты, думаю, уже догадалась.

Кивнула и поблагодарила друга.

– Хотел дать тебе время обдумать, как лучше все донести до Криса, а ему – возможность остыть. Мы все в опале. Ринер и Заки в темнице, остальные лекари отпущены в увольнение до особых распоряжений на все время разбирательства.

– А Кларисса? Ее тоже посадили?

– Она спала в подсобке, мы ее не выдали. Но, сомневаюсь, чтобы получилось как-то провести ее в замок.

– Ты сомневаешься во мне? – приподняла бровь и улыбнулась. Энтони устало усмехнулся и мотнул головой.

– Нет, Джули. Если я в ком в этой жизни и уверен, то в тебе.

– Я вытащу тебя отсюда, обещаю. Даже, если придется во всем признаться.

Энтони грустно улыбнулся и устало прислонил голову к стене:

– Не перегибай. Ты, главное, достучись до него. Крис хороший человек, но руководствуется логикой и фактами. Он стал осторожнее, как потерял семью, и я не виню его за это. Докажи, что хирургия – не темная магия, не отрасль некромантии. Если он кого и слушает – то тебя.

– Думаешь, в Ортингтоне возможны перемены? С вашим-то консерватизмом?

– Думаю, что ветра перемен дуют давно. Уже лет пять...

Какой тонкий намек! Поднялась и похлопала друга по плечу:

– Сделаю все, что в моих силах, и даже больше. Мне сле-

дует что-то знать? Когда Кристиан очнется, могут быть сюрпризы?

Энтони мотнул головой:

– Мы все молчали. Решили, что поддержим твою версию, а, поскольку ее нет – молчание лучший выход.

У меня по лицу рассыпались мурашки. Вот, что называется команда. Вот как выглядит преданность и сейчас на мои плечи упал груз ответственности за людей, которые верят в то, что я делаю. В то, что мы вместе делаем для жителей Орингтона и всего Китриджа, ведь ко мне на операции приезжали и из других графств. Сила сарафанного радио могущественней СМИ.

Пять минут пролетели стремительно. Лютер простился со мной настороженно и расслабился только после обещания, что я никому не расскажу о его маленьких рогатых интрижках.

– Ты же понимаешь, у всех свои... недостатки, – смущенно заметил он, покосившись на стражника у дверей. Тот вытянулся по струнке и делал вид, что он дерево. Разве что не цвел от возможности погреть уши о разговоры начальника темницы.

– М-гм, – хмыкнула в ответ. – Не переживай. Твои, пусть будут, недостатки, останутся на твоей, пусть будет, совести.

Хотя, если вот по честному, не самый страшный недостаток для мужика. Не по бабам же ходит! Хотя, лучше бы по бабам, конечно...

Передернула плечами и поспешила на проходную. Наверняка уже пришла посылка от Клифорда. Я просила оставить у Мориса, сто седьмого жениха по счету. Через него же отправила записку Кэролайн – разгуливать в костюме горничной весело, но до поры до времени. Чтобы сбежать, мне понадобится удобная одежда. А, пока буду реанимировать сэра Кристиана – не помешает пижама и домашнее платье.

– Второе письмо для целительницы – Клариссы.

Морис изогнул тонкую бровку и вздохнул, намекая, что не может этого сделать. Внешность Мориса – что-то особенное. Так выглядели итальянские художники эпохи Возрождения: утонченный, женственный, с пышными черными волосами под мягкой бархатной шапочкой, полагающейся к форме стражника.

Нас разделяла высокая стойка, потому я встала на цыпочки и прошептала:

– Ну, пожа-алуйста!

– Джулия, ты же знаешь, целители в опале. Я не могу пропустить никого из них. А, если кто-то узнает, что я отправил письмо – меня должности лишат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.